

Шарон Меркато

Люди разбитых надежд

Моя исповедь о шизофрении

Благодарности

Высказываю особую признательность: моему психиатру, в лице которого нашла, на счастье, учителя и друга; его заботливой жене; моему семейному врачу с его умением менять роли; моей семье и родственникам; медицинскому персоналу, который сделал так много полностью бескорыстно; самым верным друзьям, от которых в течение многих лет получала поддержку и заботу; Диане, моей душевной приятельнице; моей подруге Руфи; моей матери, которая несла это бремя из такой чрезвычайным мужеством; во веки веков незабываемым двум моим вдохновителям — моему любящему мужу Сему и моему замечательному сыну. Хочу также выразить сердечную благодарность: Луизе, Иве, Кейт и Нелли; Обществу психического здоровья; всем, кто помогал и поддерживал проект этого издания, а также Ли, за веру в его осуществление.

Пролог

В течение 13 лет я страдаю от болезни, которая является не только хронической, но и одной из наиболее загадочных болезней нашего времени – шизофренией. Сейчас, когда нет лекарств чтобы вылечить болезнь, существует методика, которая используется как лечение. Нейролептические средства, открытые в 1950-е, могут помочь контролировать некоторые симптомы и смягчить боль. Но лишь частично. И не смотря на это, многие люди, больные шизофренией, ведут сравнительно стабильный образ жизни с помощью такого лечения. Я — одна из них.

К тому же, в отличие от других болезней, о которых ты можешь рассказать другу и получить доброжелательную поддержку, — эту тебе нужно скрывать, как личный позор. Человек, больной шизофренией, лучше выдумает диагноз (даже самый страшный), чем сознается в своей болезни. Это трагично — страдать от болезни, связанной со многими сложностями — и вместе с тем быть вынужденным скрывать ее по причине позорного клейма, которое она несет.

Но и общество не виновато, что воспринимает болезнь именно так. В прошлом фильмы и публикации изображали шизофреника как убийцу с топором, который носится везде в неистовстве. Итак, шизофрения была своеобразным ярлыком, который навешивали многим людям, ведущим себя нетипично, буйно, или не так, как заведено.

Сейчас исследованиями установлено, что шизофрения — это химический дисбаланс дофамина в мозге, в результате которого возникает возбуждение рецепторов, которое его поражает. Вследствие этого возникают галлюцинации, мании, человек окончательно теряет связь с реальностью.

Ученые сейчас работают над тем, чтобы изолировать генную поломку, и эти исследования дадут дальнейшую информацию о шизофрении уже в ближайшие годы.

Как и многие другие болезни, шизофрения имеет разные степени остроты. Одни люди тяжело больны, с повреждением личности. Другие могут чувствовать себя хорошо на протяжении продолжительного времени с периодическими рецидивами. Будучи больной на протяжении долгого времени, я лишь в последние несколько лет начала признавать болезнь и

бороться с ней. Я провела много лет в больнице. Бывало, что я отказывалась от лекарств, да и от самого диагноза, отпихивала людей, которые хотели помочь мне.

Наперекор существующим представлениям, душевно больные люди всегда замыкаются в себе и преисполнены страха и тревоги. Когда их постоянно избегают, они становятся подобны моллюскам, которые прячутся в глубину своей раковины.

Мне повезло – у меня была замечательная система поддержки. Это может сильно изменить жизнь психически больных. Но так было не всегда. Я помню времена, особенно на ранних стадиях болезни, когда я была очень одинока и напугана, меня никто не понимал. Я считала, что никто не сможет любить и признавать меня.

Тогда я начала писать свои «письма», которые вы дальше прочитаете. Сначала я думала, что пишу Богу. А уже потом я писала всем, кто хотел слушать.

ПСИХОЗ

Письмо

Я понимаю, что нахожусь в психиатрической палате, но не могу понять почему. Не перестаю говорить сестрам, что нуждаюсь всего лишь во сне. Я кладу голову на подушку, закрываю глаза и жду. Ничего не происходит. Я знаю, что чувствовала бы себя лучше, если бы смогла заснуть хоть на несколько часов. В конце концов, и более уравновешенные люди, если их лишить сна, будут вести себя странно. Не так ли?

Раньше я думала, что сестры носят белую, накрахмаленную одежду и скрипучую обувь. Но они одеты по-обычному, и у каждой на груди карточка с именем. Пациентов тяжело отличить от персонала. Хотя есть одна заметная особенность: пациенты ходят, опустив руки по швам, и голову держат так, будто она весит в двадцать раз больше, чем тело. Они по-настоящему меня пугают, так что я остаюсь прикованной к кровати.

У меня одна комната с кроватью, ночным столиком и отдельным туалетом. Пол покрыт ковром защитного зеленого цвета. Туалетная комната оснащена всем необходимым, за исключением ванны. Чтобы дойти до ванны, надо преодолеть лабиринт коридоров. Для меня это настолько сложно, что я моюсь в раковине — задача не из легких. Я мою одну руку, потом другую, одну ногу, потом другую и так далее.

Большую часть времени я нахожусь в кровати. Я боюсь спуститься на пол даже чтобы пойти в туалет, потому что страшусь змей. Они лежат, свернувшись кольцами под кроватью, и выползают, чтобы посмеяться надо мной (особенно, когда я стараюсь спуститься). В последний раз их было четырнадцать. Одна змея, которая немного отличается от других, украдкой посматривает на меня, предупреждая, чтобы я не двигалась. Ее голова, величиной с кулак, светит на меня разрезами зеленых глаз. Она, очевидно, руководит другими. Все они лежат внизу, переплетенные между собой, и лишь их хвосты торчат наружу. Так я смогла их сосчитать.

Я рассказала о них сестре, но мои слова не очень ее беспокоили. Она похлопала меня по плечу и на какой-то миг заглянула под кровать. Движения ее были торопливые, возможно, она просто угождала мне. Сестра сказала мне, что если под этой кроватью и были змеи, то они должно быть уже

переползти в лучшее место, и заверила меня, что мне нечего бояться. Я хотела верить ей, и быстро осмотрела комнату после того, как она вышла. Змеи были здесь, все без исключения.

Глаза главной змеи были закрыты, потом очень медленно открылись. Это было предупреждение. Кого хотела обмануть сестра?

Мне приносят пищу, но я никогда ее не трогаю. Это не оттого, что блюда мне не по вкусу. Просто я не голодна. Вчера я бросила часть пищи змеям. Некоторое время после этого они оставались под кроватью.

Я получила немного покоя.

Я перестала ощущать течение времени. День и ночь сливаются в одно целое и тянутся почти как один очень длинный день. Иногда мне кажется, что уже утро, и я начинаю шевелиться. Тогда ко мне входит кто-то из персонала с электрическим фонариком, который свидетельствует о раннем часе.

Если бы только я могла заснуть, все снова было бы хорошо. Но мой мозг лихорадочно работает. Мысли неустанно наплывают одна на другую, не давая даже минуты отдыха, комфорта, покоя.

Письмо

Милостивый Бог!

Может, ты облако в небе? Отсюда я смотрю на тебя. Вглядываюсь в пространство за окном и вижу ту тучку с глазами. Сквозь белые пряди тумана улыбаются ее уста. Иногда тучка подмигивает мне правым глазом, и это меня очень поддерживает. Я махаю ей рукой в ответ, но сначала осматриваю комнату, никто ли не смотрит? (Кроме змей).

Теперь змеи появляются откровенно, не ограничивая себя. Идя к туалету, я быстро переступаю через их скользкие тела на полу. Одной змее удалось обвить мою ногу, и я ощутила прикосновение ее холодной влажной чешуи.

Письмо

Сегодня, посмотрев в зеркало, я увидела свое лицо, все в красных рубцах с потеками крови на щеках. Жесткие волосы торчали во все стороны, как солома. Я выглядела в самом деле сумасшедшей.

Ко мне зашел врач. Он осмотрительно остановился возле дверей и молча наблюдал за мной с безопасного расстояния. На нем был мягкий зеленый костюм стиля сафари с широкими карманами, который по цвету напоминал ковер. Фигура врача будто сливалась с полом, и я совсем не могла смотреть на него. Ощущение было такое, будто смотришь на длинное пятно зеленого сиропа с глазами. Врач был совсем не такой, каким я его себе представляла. Я думала, что это будет пожилой мужчина с кругленьким брюшком, обтянутым серым в полосочку костюмом, у него будут золочены очки, а из правого кармана будет свисать часы. Я думала встретить Фрейда.

Меня интересует, неужели психиатры способны читать человеческий мозг? Если они могут анализировать сновидения и гипнотизировать, то, наверное, они способные на все. Я высвободила свой возбужденный мозг от мыслей, боясь, что врач прочитает их и решит, что я идиотка. Итак, мы стояли и молча смотрели друг на друга. Когда врач ушел, я посмотрела на мою тучку.

Несколько дней я с увлечением пою ей. Став на кровати во весь рост лицом к окну и поднявшись на цыпочки, я тянусь вверх насколько возможно, пока мышцы в икрах не начинают трещать протестуя. Я стараюсь придумать гимны, которые должна петь тучке, но вскоре останавливаюсь на песни Битлз «Let It Be». Она в самом деле патетичная. Наверное, я назвала бы десяток лучших радиохитов без особых сложностей, но не могу вспомнить никакого гимна. Я думаю, что Господь меня поймет.

Поднос за подносом мне приносят пищу, но я не хочу есть. В моей голове бесперывное замешательство и волнение. У меня нет времени, чтобы есть, я очень занята! Мой мозг совсем не находится в покое, ни одной секунды. Шепчущие голоса обращаются ко мне из небытия. Сестра сказала, что им придется кормить меня с ложечки, если я не начну есть сама. Или еще хуже, они вынужденные будут кормить меня внутривенно. Чтобы их успокоить, я ковыряю черствый гамбургер.

Я познакомилась с другим пациентом. Должна добавить, не по собственному желанию. Он вошел в мою комнату и закрыл двери. Сначала я подумала, что это санитар или медбрат. У него был такой авторитетный и самоуверенный вид, какой обычно бывает у ответственных лиц. Но его одежда совсем не соответствовала. Голубая рубашка, с неопрятно пришпиленной и обтертой по бокам металлической буквой «S» на груди, была заправлена в изношенные синие джинсы с трехцветными шлейками. У него были широкие плечи и

темные волосы с жирной челкой. Он все время раздраженно отбрасывал ее со лба. Я его боялась.

Гость отрекомендовал себя как Бобби. Я смотрела на него, вытаращивши глаза. В таком месте, как это, подобное обращение не кажется невежливым. Здесь это вообще естественно. Бобби просто не обратил внимания на мое молчание. Он поднял крышку подноса, который остался после обеда и скривился, глянув на его содержимое. Сбоку тарелки лежал надкусанный кусочек рыбы, а остальное заполняло паровое жаркое. Он резко откинул крышку, и та с грохотом упала позади. Я подскочила.

Бобби спросил, не сотрудничаю ли я с «ними». Под ними имелись в виду сестры, врачи, и все, кто носит карточки с именем на груди. Бобби объяснил, что в больнице существует система поощрений и предполагается, что все пациенты пользуются ей. Очевидно, если ты отказываешься от пищи, то ты лишаешься своих привилегий, которые состоят в том, чтобы носить обычную одежду (вместо больничного халата), выходить за пределы больницы и получать драгоценные воскресные отпуска.

Я спросила у Бобби, почему он здесь, и он ответил, что мы все здесь потому, что мы сумасшедшие. Я не могу поверить в это. Должны быть еще другая причина. Снова появились змеи, и я посоветовала Бобби передвигаться осторожно. Он попросил меня указать, где именно находятся змеи, и пошел, внимательно смотря под ноги.

Письмо

Кровь пульсирует в моей голове, и я ощущаю сильный зуд на границе волос. Еще лишь наполовину проснувшись, я ощутила, что зуд перешел в неприятное покалывание, будто острой шпилькой. Что-то предчувствуя, я встала и пошла к зеркалу. Там я увидела на своей голове венчик из колючек, который венчал ее наподобие короны. Он был сплетен из листвы и сухих ветвей. Не отторгая взгляда от своего отображения, я следила за своей рукой, которая приближалась к колючкам. Я ощутила, как мой палец на что-то накололся. Я внимательно посмотрела на него и увидела, как на самом кончике выступила капля крови и побежала вниз по пальцу. Сначала это была совсем маленькая капелька, но потом она превратилась в фонтан крови. Кровь залила мои руки и капала на ковер. Ко мне зашел санитар с прибором для измерения кровяного давления. Я отшатнулась назад, но санитар не мог понять моего ужаса перед этим безопасным прибором. Кровь продолжала потоками течь из моего пальца, и я боялась, что истеку до смерти, если он

пережмет мою руку измерительным поясом. Санитар приказал мне лечь и сказал, что зайдет позднее. Кровотечение остановилось сразу, как только он ушел из комнаты.

Письмо

Они пришли за мной. Они сказали, что я не могу больше есть в своей комнате. Настало время кушать вместе с другими больными. И настало время мне шагать по лабиринтам коридоров. «Карточка с именем» схватила меня за руку и вытолкнула в коридор. Я еще не заслужила привилегии носить обычную одежду и была одета в полинявший синий больничный халат с застежкой на спине. (Они не позволяют мне носить обычную одежду, поскольку думают, что я могу сбежать; и они правы.) Когда мы выходили в коридор, я ощутила на своей спине веяние холодного воздуха. Лишь потом я поняла, что моя задница была выставлена на общий осмотр. Другая «карточка с именем», что шла мимо, быстро застегнула халат на моей спине, подавая мне бумажные тапочки. Но я уверена, что все видели меня.

Коридоры расходятся во всех направлениях и выстланы таким же ковром защитного зеленого цвета, как и в комнатах. Я чувствовала себя как мышь в лабиринте и была признательна сестре, которая вела меня за руку. (Я, конечно, не сказала ей этого.) Комната персонала находилась в центре лабиринта. Мужчины и женщины с именами на карточках входили и выходили из нее. Они выглядели дикими и сумасшедшими. Больница состоит из 21 палаты для пациентов, комнаты для игры в бильярд, маленькой кухни, двух комнат для отдыха, столовой и нескольких комнат администрации. Есть также мастерская, на дверях которой висит табличка с надписью «Трудовая терапия». Мне кажется, что здесь пациенты делают пепельницы. Но точно я этого не знаю.

Сестра объяснила мне, что каждый больной должен принимать участие в общей программе лечения, по которой его день расписан по занятиям в разных лечебных группах. Когда она мне это объясняла, к нам подбежал Бобби. Он громко чмокнул меня в левое ухо. Звук его поцелуя отразился эхом в голове, что вынудило меня смутиться. Бобби спросил сестру, может ли он сам показать мне больницу, но она отрицательно покачала головой. Я была разочарована: Бобби мог стать человеком, которому бы я доверяла. Мне позарез нужно хоть кому-нибудь доверять.

Экскурсия закончилась. Сестра повела меня по коридорам назад в мою комнату, и реальность окружающих вещей ошеломила меня. Я пристально

вглядывалась во встречные лица. Старые и молодые мерили шагами пол, наклонив голову. Глаза у них были стеклянные. Они напоминали стайку заблудших голубей, которые смущенно посматривают во все стороны, выглядывая своих врагов.

Между ними был мужчина в инвалидной коляске, как мне кажется, среднего возраста, который курил сигарету у самого фильтра. У него на губах были коричневые язвы от ожогов, которые гноились.

Мимо нас прошла молодая девушка лет девятнадцати с длинным желтым растрепанным волосами, которые закрывали ее лицо. Она что-то настойчиво шептала сама себе. Потом я рассмотрела ее получше. Это была женщина 35-37 лет. Она сидела на стуле, и сестра мерила ей кровяное давление. Одна ее рука от предплечья и ниже была покрыта швами. Она игралась, накладывая себе швы, это было очевидно для каждого.

И именно в этот момент меня охватило странное ощущение полета. Мне показалось, что я могу оторваться от пола и полететь над людьми в коридорах. Адреналин заполнил мой кровоток, и я оттолкнула прочь руку сестры, готовая к полету. И я побежала. Я полностью контролировала свое состояние. Я была сильной и уверенной. Люди прижались к стенам, испугавшись, что я собою их с ног. Путь был свободный, и я летела коридором с невероятной скоростью. Я никогда не думала, что во мне столько силы. Ощущение было чрезвычайное.

Два санитары перекрыли один из выходов, и я вынуждена была развернуться и бежать в другом направлении. Я слышала, как сестры приказывают больным расходиться по своим комнатам. Большинство больных казались испуганными, а некоторые даже были в панике. Я читала эти чувства на их лицах, но не могла их понять. Я не хотела сделать кому-то плохо. Я лишь желала вырваться отсюда.

Я летела коридором к другому выходу. Две сестры встали напротив дверей, взяв друг друга за руки. Они выглядели очень суровыми и агрессивными. Я остановилась посередине между двумя выходами, переступая с ноги на ногу. Шансы для побега значительно уменьшились, и, обезумев от ужаса, я посмотрела на потолок.

За это время коридоры уже опустели, а персонал был стратегически дислоцирован возле каждого выхода. Несколько сестер медленно подошли и окружили меня. Я прорвалась сквозь их круг, стремительно побежала в свою

комнату и закрыла за собой двери, лихорадочно ища места, где можно было бы спрятаться. На дверях туалетной комнаты не было замка, этот вариант не подходил. Я не могла спрятаться под кровать, поскольку змеи давно уже ждут такой возможности чтобы схватить меня.

Но было поздно. Они вошли в комнату и окружили меня, и я снова проскользнула между ними. Я забралась на кровать и бросилась к окну. Я знала, что все мои усилия напрасны, но старалась вылезти в окно. Мои ногти скребли оконное стекло. Я перестала думать и вела себя как загнанное животное. Чья-то рука сжала мое плечо, я оглянулась и начала выкрикивать непристойности, надеясь, что испугаю их. Но это не подействовало. Очевидно, они привыкли к подобным сценам. Множество рук схватили меня и прижали к кровати. Я старалась бороться с ними, но напрасно. Они надели на меня и, все еще барахтаясь, я увидела иглу. Они собирались убить меня ею! Кто-то стаскивал с меня белье, я закричала. Они хотели сначала изнасиловать меня, а потом убить. Все ужасные истории об обращениях с пациентами в сумасшедших домах пришли мне на ум. Я ощутила как игла прошла сквозь кожу и очень медленно вошел в тело, навалившихся на меня, начал уменьшаться. Я смотрела через полузакрытые веки на их ноги, когда они друг за другом выходили из комнаты. Человек, черты которого я не могла различить, что-то шептал на ухо, поправляя волосы на моем лбу. Он сказал, что все будет хорошо. Меня не изнасиловали и я не умерла, но я проспала несколько дней.

Письмо

Милостивый Бог!

Твое лицо в солнечном сиянии ласково улыбается мне.

О, с какой я любовью

Отвергнувши все заботы лишние,

Обращалась к Тебе повседневно...

Смог бы Ты меня спасти?

Письмо

Я все время сплю. Время от времени ко мне наведывается сестра с маленькой бутылочкой зеленого липкого сиропа. На вкус он очень гадкий, поэтому

после сиропа сестра дает мне ложку клубничного джема. Я засыпаю до следующего раза, когда она снова придет с сиропом и джемом.

Одна моя половина хочет побороть действие лекарства, но другая не имеет сил на это. Я двигаюсь по комнате, ощущая в этом потребность, но это движение забирает всю мою энергию. Несколько раз я ударилась о стену, пока шла к раковине. Я разбила нос и разбила колено. Когда я была маленькая, у моего отца был приятель, который неистово кричал от боли и рассказывал всем, будто ударился о стенку и расплющил нос, а на самом деле он был старым пьяницей. Мы с братьями смеялись над ним и просили показать как это произошло. Он показывал, и я верила, что именно это, а не алкоголь, было причиной его красного, похожего на луковицу носа. Скорее всего, за свой вид он мог благодарить и то, и другое. Сейчас я выглядела точь-в-точь так, как он.

Меня посетила наш семейный врач. Она очень темпераментная женщина для своего пятого десятка, необычно сильная и решительная. Она всегда заботится об удобных условиях для своих пациентов. Однажды я слышала, как в комнате для персонала она говорила, что не потерпит, если кто-то из ее пациентов будет обижен. Я очень ценю ее и считаю своим другом.

Она подошла к кровати, схватила меня за руку, подняла ее высоко надо мною, потом отпустила, и рука словно безжизненная упала на кровать. Боли не было, поскольку я перестала ощущать свое тело. Жизнь существовала лишь в моем мозге, который окончательно взял верх. Направив свет фонаря мне в глаз, она внимательно изучала меня, когда к нам зашла сестра с очередной дозой сиропа. Врач обернулась к ней и начала выкрикивать что-то о коматозном состоянии и других медицинских терминах, которых я не понимала. Мне хотелось сказать ей, что со мной все в порядке, но моя путанная речь вызвала у нее еще большее раздражение. Она бросилась прочь из комнаты, так что полы ее белого халата разлетались в стороны. Я попробовала схватить ее за край одежды, но было уже поздно. Волна жалости к себе охватила меня, и я ощутила, как слеза стекает по щеке на подушку. Змея вытащила голову из-под кровати, посмотрела на меня и вернулась на место. Но я не обращала внимания. У меня не было на это сил.

Письмо

Люди выглядят совсем по-другому, если смотреть на них с пола. Теперь я часто выхожу из комнаты, но всегда падаю в коридоре, сразу же за дверьми. Я наблюдаю за ногами людей, которые двигаются мимо меня. Иногда они

переступают через мое тело, будто меня здесь нет. Я не удивлюсь, если кто-то будет решать, заслуживает ли доверия человек исходя из его походки. Я смотрю на ноги, обтянутые джинсами, одетые в панталоны или брюки. Мне видно ворс ковра, который пристал к краям одежды, и я смеюсь от того, что никто больше об этом не знает. И каждый раз подходят две сестры, берут меня под руки и относят назад на кровать. Но я выхожу снова и вижу раздражение в их вынужденных улыбках.

Письмо

Во всей больнице обед вызывает чрезвычайное оживление. Все строятся в коридоре и ждут двух молодых людей в поварских колпаках, которые привозят тележки с подносами. Кое-кто приходит занимать очередь за 15 минут до раздачи.

Все больные едят вместе в столовой. В этот же время вместе с пищей им дают лекарства.

Я сажусь, как всегда на полу, скрестив ноги. После того, как все разберут свои подносы, я подхожу к тележке, беру сэндвич с одного подноса и молоко со второго. Я как хомяк несущих их в свою комнату и, кажется, никого это особенно не беспокоит.

Однажды, когда я ждала, пока все пойдут из столовой, Ариан устроила сцену. Я знаю, как ее зовут, поскольку о ней часто упоминает между собой персонал. Я думаю, она приносит им много хлопот. Кто-то перепутал ее заказ на завтрак, и она получила еду, которую не любила. Все произошло очень быстро. Поднос выпрыгнул из ее рук, будто живой. Суп и то, что казалось запеканкой, растеклись по полу, а часть попала ей в туфли. Она плакала, кричала и проклинала каждого, кто подходил успокоить ее. Тогда она побежала. Ее длинные волосы летели, она мчалась по лабиринту. Можно было ощутить ветер, вызванный ее полетом.

Врачи, торопясь, разводили пациентов по комнатам и затворяли за ними двери. Они подняли меня с пола и отнесли на кровать, но забыли закрыть двери. Я слышала, как Ариан кричала на персонал, используя литературные и нелитературные непристойности. Я знала, что они будут делать с ней и хотела остановить этот ужас.

Неловко я сползла с кровати и выглянула в коридор. Вопли Ариан слышались уже издали. Она продолжала грозить им словами (вообще

страшным оружием, но здесь бессильным). В коридорах было пусто, так что я смогла пройти вдоль стены незамеченной. Я легко нашла ее комнату по громкому голосу, который звучал сквозь стену.

Я прокралась в ее комнату и прислонилась к стене. Врачи старались сделать ей укол, применяя свои обычные методы. Я испуганно смотрела на них, но им было не до меня.

Но на их лицах я не увидела подлого выражения триумфа. Я заметила жалость и обеспокоенность, о которых не могла раньше и подумать. Я уверена, что им было неприятно и ненавистно то, что они делали с Ариан. Мне стало досадно за них, за нее, за себя.

Я незаметно пошла прочь. Этот случай заставил меня по-новому относиться к персоналу. И к больным также.

Письмо

Бегство — единый выход, но его надо хорошо обдумать. Рыть подкоп под больницей непрактично и невозможно. Нам выдают лишь пластмассовые ножи и вилки.

Они все время присматривают за мной, даже когда я сплю. Медсестра всегда сидит ночью в моей комнате и читает книжку или плетет чулки для дальних и близких родственников. Прошлой ночью у меня был дежурный; он читал, а я смотрела сквозь тяжелые веки, как черты его лица сплывали наземь. Выпало и покатилося глазное яблоко, змея схватила его и быстро уползла под кровать. Дежурный продолжал читать журнал национального географического общества, будто ничего не произошло. Я не могла поверить в это! Я спросила: «Как вы можете сидеть здесь и читать без лица?» Он рассмеялся и снова обратил свое безобразное лицо к журналу.

Я уверена, что Бобби является наиболее здоровым среди нас, хотя он и сумасшедший. Он всегда врывается в комнату не постучав, будто так и положено. Именно врывается. Я никогда не встречала такого энергичного человека. Бобби приносит мне немного сигарет, мы садимся на кровать и вместе курим. Иногда он делает из дыма кольца, которые плавают по комнате.

Бобби признался, что болен шизофренией. Напрасно он сказал мне об этом. Такие термины меня пугают. Я говорю с ним всегда мягко, чтобы вдруг его не обидеть, особенно, когда он шутит, что убьет меня (а кто его знает!). Я

сказала, что, по моему мнению, я страдаю от нервного срыва, но Бобби ответил, что «нервный срыв» — это весьма обобщенно. Нужно уточнение: или я невротик, или больна манией, или шизофренией, или... И дальше шел длинный перечень психических заболеваний. Я не думаю, что эти болезни имеют ко мне отношение, но я хочу знать, за что судьба толкнула меня в этот ужасный хаос.

И что бы там ни было, я думаю убежать. Никакие препятствия не остановят меня. Я выберусь из этой бессмыслицы. А когда выберусь, то никогда не буду вспоминать о ней. Я должна это забыть.

Врачи заметили, что я забираю часть пищи к себе в комнату, и приказали есть вместе со всеми в столовой. Я все еще одета в больничный халат и мне не позволяют носить обычную одежду. Для других больных, как я поняла, это является признаком того, что ты «совсем безнадежный». Поэтому они держатся подальше от меня, показывая пальцами и перешептываясь между собой.

Обычно я нахожу свободное место отдельно от других, но не очень далеко, чтобы иметь возможность слышать их сплетни о себе. Здесь этого не стыдятся. Я слышу: «не двигается все время, будто закаменелая», «не может попасть ложкой в рот», «это то, что называется сумасшествием». Некоторые пациенты уже преклонного возраста негодуяще выкрикивают: «Какой стыд!». Некоторых я раздражаю, и они спрашивают меня, не потому ли я люблю одиночество, что ставлю себя выше, чем они. В самом деле, когда-то мне эти люди казались более низкими, чем я, но сейчас я думаю, что все мы на одном уровне. Во всяком случае, здесь.

Больница приняла новых больных, и в столовой почти не осталось свободных мест. Времена раздумчивых завтраков наедине с собой прошли. Ариан всегда бросает свой поднос на стол напротив меня, и мы молча едим. Меня совсем не угнетает наше молчание.

Иногда к нам присоединяется Дебра. Я стараюсь не смотреть на ее зашитые запястья, но мой взгляд невольно тянется к ним, Дебра стройная, красивая и, на мой взгляд, очень приятная женщина. Я не представляю, что может произойти в жизни человека, чтобы он захотел умереть; серьезное настолько, чтобы человек перестал надеяться обрести на земле счастье для себя. Ощущая мою заинтересованность, Дебра рассказала мне свою историю.

Она замужем и счастлива в браке, имеет двух взлелеянных и чрезвычайно добрых детей, удобный большой дом, мужа, который по поводу и без повода дарит ей цветы. Хорошо наряженная, с замечательной прической, своей открытой искренней душой она влечет людей. Дети ее ходят в школу, а сама она работает частной модисткой. Дебра моделирует свадебные платья и фраки, это ей чрезвычайно нравится. Ей не надо ежедневно просыпаться рано утром и принуждать себя идти на ненавистную работу. Она искренне любит свое дело.

Несколько раз я видела мужа Дебры, который посещает ее каждый день. Он обнимает и целует ее с пылкой страстью: уста, щеки, глаза и уши. Они женаты уже 10 лет, но их любовь еще до сих пор жива, трепетна и трогательно романтична. Когда я смотрю на них, ощущаю себя совсем одинокой.

В самом деле, жизни Дебры можно позавидовать, но она страдает от навязчивой идеи самоубийства. Почему? Она сама не знает. Дебра рассказывает, что может готовить завтрак или восторженно работать над новой моделью, но мысль убить себя не оставляет ее. Совсем недавно, готовя на кухне обед, где ее дети смеялись из каких-то случаев своей школьной жизни, Дебра спокойно поднялась по ступенькам, которые вели к ванной, закрыла двери и перерезала запястье, стараясь вскрыть вены. Врачи считают, что причиной болезни стал какой-либо травмирующий психику случай, но Дебра не помнит ничего, что могло послужить причиной подобных последствий. Она уже несколько раз пробовала покончить жизнь самоубийством; ей кажется, что в ее мозге действует какой-то ошибочный механизм, который посылает неправильные импульсы. Дебра живет в постоянном страхе, что однажды ее попытка сработает и она никогда уже не увидит своего любимого мужа и семью.

Письмо

Я должна убежать. Уже слишком много я здесь увидела: слишком много грусти, слишком много людей с психическими травмами. План бегства уже разработан. Обычную одежду я получу не скоро, но я всегда могу ее одолжить. Это можно расценивать и как кражу, поскольку я собираюсь просто взять одежду без согласия ее владельца. Но я обещаю вернуть все и честно возвращу.

Каждый вечер проходит встреча анонимных алкоголиков, которую посещает многие люди. Староста группы открывает комнату и больные расписываются

в специальном журнале, чтобы подтвердить свое присутствие. Потом все расходятся. Я планирую затесаться в эту группу и выйти за пределы больницы незамеченной. Надо будет выбрать вечер, когда в комнате не будет никого из врачей, это случается время от времени. Единственным настоящим препятствием может стать Поль.

Поль – четырнадцатилетний мальчик, которому я пришлась по душе и который всюду меня преследует. Я сказала ему, что достаточно стара для того, чтобы быть его матерью. Он говорит, что любит взрослых женщин. Наряженная в изношенный голубой халат, без макияжа, с растрепанными волосами, я отвечаю ему, что есть много более красивых женщин. Он отвечает, что ему нравится естественный вид. Стараясь испугать его, я говорю, что меня держат в больнице потому, что я буйный лунатик. Мальчик говорит, что ему импонирует моя откровенность. С неразвитым телом и неуклюжей фигурой подростка, Поль — алкоголик. Он пьет с восьми лет.

Письмо

Одежда Ариан была кое-где узкой для меня, но лучшего варианта не было. Одета в синие джинсы и хлопчатобумажную блузку, я смешалась с группой алкоголиков, не замеченная даже Полем, который шел шагах в десяти впереди. Я тихо молилась, чтобы он не оглянулся и не увидел меня, потому что тогда бы все пропало.

Группа подошла к лифту и остановилась возле дверей. Когда они начали садиться в лифт, Поль осмотрелся кругом. Я видела, как меняется выражение его лица по мере того, как он узнает меня. Я бросилась к ступенькам.

- Эй! Я не узнал тебя в этой одежде! - закричал Поль.

Я уже была в дверях, когда до меня долетели эти слова. Я собрала все свои силы, чтобы выглядеть спокойно и уверенно, спускаясь по ступенькам, которым велели на волю. Приближаясь к цели, я все ускоряла шаги, пока не остановилась в свете солнечного сияния, от яркости которого у меня перехватило дыхание.

Я остановилась на минутку, увлекшись всем тем, что меня окружало. Благоговейные чувства вызвала у меня ровно подстриженная зеленая трава, сияющий асфальт, молодые деревья, — все, чего я не замечала раньше. Автомобили на стоянке поражали своими яркими цветами: красным, синим и

зеленым; солнце играло на их металлической поверхности. Все было как в сказке.

Я подняла голову и увидела в небе лицо своего друга. Тучка улыбалась и подмигивала мне, обещая, что все будет хорошо.

Преисполненная чувств, я проплыла над больничной стоянкой автомобилей; мои ноги, будто ноги танцора, двигались в такт с вибрациями земли, воздуха и космоса. Мне хотелось подпрыгнуть и ударить каблук об каблук, как в одном мюзикле на Бродвее. Но, подумав, что такое поведение может разоблачить меня, я сдержалась. Я пробиралась между припаркованными автомобилями, яркими и равнодушными ко всему. Я ощущала вкус свободы на устах, которые сами собой сложились в улыбку. Я хотела прижать все, что было передо мною, со всей страстью, на которую только была способна.

Я дошла до перекрестка, остановилась. Машины двигались так быстро, что их цвета сливались, и перекресток напоминал палитру художника. Меня тянуло войти в нее, чтобы стать частицей этой палитры. Я уже поставила свою дрожащую ногу на бордюр, когда прямо передо мною остановился автобус. Двери открылись, водитель кивнул мне.

И в этот момент я поняла, что на меня возложена миссия от Бога. Я не была оповещена о моих задачах, но знала, что он объяснит мне. Лицо в тучке — это был не Бог, и эта мысль огорчила меня. То лицо принадлежало его управляющему или, может, заведению внешних связей, или секретарю.

Водитель оборвал мои мысли:

- Женщина, вы садитесь, или что?

Этому человеку не нужно было микрофона. Я испугалась его громоподобного голоса.

Не поднимая головы, я быстро заняла свободное место возле старой женщины, которая погрузилась в чтение романтического журнала. Ее грязные седые волосы не были зачесаны, старые очки едва держались на носу, который напоминал клубень. Я осмотрелась на других пассажиров и увидела такие же невыразительные лица. Все они выглядели так, будто были осуждены на смерть. Моя соседка указала на водителя своим скрюченным пальцем:

- Водитель обращается к тебе, — прошептала она.

Я поднялась и подошла к водителю. Его брови сурово нахмурились. Он набросился на меня, требуя плату. Я поискала деньги в карманах одолженных джинсов, но не нашла их. Надпись над головой водителя свидетельствовала, что для пенсионеров проезд бесплатный. Естественно, если на меня возложена миссия от Бога, я имею право на бесплатный проезд. Я сказала водителю, что уже старая и давно на пенсии, но на земле прожила лишь 23 года. Две девушки-подростка, с собранными в пучки на макушках волосами, сидели неподалеку и слышали наш разговор. Они расхохотались, показывая белые зубы и розовую жвачку, которая перекатывалась у них во ртах. Я не видела ничего смешного в том, что происходило. Но дети могут рассмеяться с чего угодно.

Водитель остановил автобус так внезапно, что все пассажиры чуть не попадали навзничь, хотя это и не изменило пасмурного выражения их лиц. Водитель своим громовым голосом приказал мне выйти. (Не все верят в Бога). Я покорно сошла, но я обязательно расскажу об этом Верховному Владыке. Я отметила это в своей памяти.

Водитель высадил меня на бурном перекрестке. Машины двигались одна за другой, бампер к бамперу. Тротуары были заполнены людьми, которые шли кто на работу, кто в магазин, кто в театр. Я совсем потеряла ориентацию. Мимо меня проходили пожилые люди в деловых костюмах с дипломатами в руках. Кое-кто из них останавливался и смотрел на меня. В скором времени на меня уже смотрели все и я чувствовала себя очень неудобно. Я осмотрела свою одежду, но все пуговицы были на месте, все молнии застегнуты.

О, я должна была подумать про это раньше! Люди смотрят на меня потому, что они знают, кто я. Они знают, что я работаю на Бога, и кое-кто, возможно по этой причине, хочет, чтобы я умерла. Они обменивались между собой знаками. Я видела, как один мужчина вытер нос, другой почесал глаз. Неподалеку стояла прекрасно одетая женщина и теребила себя за ухо. Я понимала, что должна как можно скорее убежать отсюда, пока они не застрелили меня.

Я бросилась в поток машин. На светофоре горел красный свет, но я не обращала на это внимания. Каждая утраченная минута могла решить мою судьбу. Машины резко тормозили вокруг меня и громко гудели, но мне повезло невредимой добраться до другой стороны улицы. Водитель такси на прощание пригрозил мне кулаком. Я не обратила внимания на это

богохульство. Я не имела представления, куда мне идти дальше. Дорога вела в маленький парк на берегу озера.

В самом деле, есть что-то волнующе в голубом небе, зеленой траве, солнце. Поэты и художники понимают это, и сейчас я смотрела на мир их глазами. Это в самом деле прекрасно.

Парк состоял из нескольких акров зеленых газонов, которые разместились у самой кромки озера. На траве здесь и там сидели в легких шортах и майках с коричневой смазанной кожей загорающие. Маленькие дети бегали вокруг своих матерей или собак, которые то прыгали в воду, то выпрыгивали из воды. Большой черный ньюфаундленд принес ребенку палку, как уже делал это тысячу раз.

Я была восхищена красотой озера. Я смотрела на маленькие яркие блики, которые раскинуло солнце на его поверхности. Я подняла глаза. Мой друг-тучка был со мной. Я подмигнула ему, а он улыбнулся в ответ и исчез. Это был знак, что я должна остаться здесь. Не знаю почему, но вся окружающая природа говорила то же самое. Все вокруг было безупречным. Я должна была умереть.

Я направилась к воде. Мои ноги будто имели собственную душу. Они двигались независимо от меня. Настало время. Осознание этого не беспокоило меня. Все было просто. Не будет ни слез, ни трагических слов, ни завещаний тем, кто остается.

Ледяная вода лизала штанины моих джинсов, ее прикосновение на миг остановило меня. Поверхность озера потеряла свою привлекательную яркость. Небо стало серого цвета, как прокислая вода, в которой помыли посуду после еды. Начался дождь. Меня умыли слезы Бога и они смешались с моими.

Мне казалось, что так я простояла целую вечность. Старый мужчина потянул меня за рукав, сначала осторожно, потом сильнее. Я обернулась. В парке уже никого не было, кроме старой женщины, которая стояла на берегу. Она сжимала руки. Я посмотрела на мужчину. Ему было уже за семьдесят. На нем были поношенные зеленые рабочие штаны и фланелевая рубашка, неопрятно заправленная за пояс. Старик стоял по колени в воде и его штаны вздувались, будто два миниатюрных зеленых баллона. Я ощущала, как сильно его пальцы сжимают мышцы моего предплечья. Мне было больно. Он сказал мне идти за ним.

Когда мы вышли на берег, женщина бросилась к нам. Она начала отчитывать меня и рассказывать как опасно принимать наркотики. Я соглашалась с ней, пока они не пригрозили вызвать полицию, тогда я замолчала. По моим ногам стекала вода, джинсы мокрыми сморчками прилипли к коже. Становилось холодно, мои зубы выбивали дробь. Женщина пошла звать полицию, ее муж держал меня за руку. Я ощутила, как он резко сжал ее, это заставило меня вырваться.

Вода плескалась в туфлях, когда я шла через парк. Мои ноги заоченели и когда они касались земли, острая боль пронизывала все мое тело.

Но в скором времени я забыла о боли, потому что совсем другие мысли охватили меня. Если Бог в самом деле возложил на меня миссию, то людям это скорее всего не понравится. Определенным людям. Плохим людям. Меня могут убить. Нет, этого не может быть. Конечно, они убьют меня. Нет. Да. Я сняла туфли и шла дальше, оставляя следы босых ног на мокрой траве. Газон был широкий и мне казалось, что я никогда не дойду до его конца. Удары сердца отражались во всем теле, заставляя ускорить шаг. Я могла видеть стволы ружей, направленные на меня из-за деревьев. Они убьют меня. Они не убьют меня.

Наконец я вышла на тротуар. Цемент обжег мои подошвы, и я остановилась от этого жгучей боли. Я подняла ногу: с раны на подошве сочилась кровь, смешиваясь с песком и травой. Но я не могла задерживаться, поскольку была уверена, что люди смотрят на меня из окон. И у всех у них в руках оружие.

Может Бог поместил меня в больницу для моей безопасности. Ведь блуждая по улицами я становилась хорошей мишенью. Может Бог боялся оставить меня в обычной палате. Заговорщики могли бы тогда легко отравить меня.

Может...

Я замедлила шаг. Парк выходил на современную городскую улицу с рядами похожих между собой кирпичных домов по обеим сторонам. Я старалась не обращать внимания на занавески, которые медленно отодвигались в каждом окне. С каждым шагом я тихо молилась, чтобы Он привел меня к больнице, в безопасность. Я понимала, что идти еще далеко. Я молилась, чтобы Бог указал мне дорогу. Но одна улица выводила на другую с такими же домами. Я начинала паниковать, мое сердце перепугано колотилось в груди. Я увеличила скорость, стараясь не обращать внимания на острую боль в ноге. Холодный пот выступил на моих губах, сильно хотелось в туалет.

В конце концов, Бог должен был дать ответ. В конце улицы была маленькая церковь. Я могла зайти туда, отдохнуть минутку и подумать.

Церковь стояла на небольшом холме; приблизившись к ней я увидела, что это католическая церковь. Сначала я подошла к дому пастора, но он был заперт. К главному входу вела винтообразная лестница, и я побежала по ней, прыгая через одну - две ступеньки. Двери были открыты, я вбежала и быстро закрыла их за собой. Наконец я была защищена. Наконец я находилась вне опасности.

В церкви никого не было, и она казалась очень просторной. Проход между лавками был покрыт ковром, от которого шло тепло, согревающее мои ноги. Оглядевшись вокруг, я сделала длинный, признательный вздох. Витражи на окнах изображали Бога-Отца, Марию и Иисуса. Они были будто живые, и хотелось притронуться и поцеловать каждого. Они ласково улыбались мне. Но прекраснейшими были статуи перед алтарем. Фарфоровое изображение Марии чистого белого цвета находилось по одну сторону. Оно сразу же привлекло мое внимание. Я тихо, осторожно подошла к ней, чтобы не нарушить торжественности момента. Она наклонила ко мне голову будто к своему ребенку. О, каким прекрасным было ее лицо! В ее глазах сосредоточилось больше доброты, чем в глазах всех людей, которых я когда-нибудь встречала и встречу в своей жизни. То, что я не католичка, здесь ничего не решало, я нашла приют, где меня приняли. Я отошла от Марии, чтобы посмотреть на статую Христа. Я смущалась перед ними, даже чувствовала себя виновной. Я хотела поговорить с ними. Это было мне просто необходимо, необходимо, как воздух. Мне вспомнились гимны, которые я знала с детства. Я вспомнила: мы с отцом идем к церкви, он держит меня за руку и уговаривает не стыдиться, таким способом заговаривая мои страхи. Потом я запела. Сначала тихо, мягко, но в скором времени я выкрикивала слова из сокровеннейших глубин своей души. Мне хотелось остаться здесь навсегда и забыть о больнице, врачах и даже о Бобби.

Мое одиночество нарушил священник, который неожиданно появился возле меня. Я не видела, как он зашел. Пастор улыбнулся. Я улыбнулась ему в ответ. Приятным голосом он сказал, что он должен отслужить мессу, а я задерживаю его. Он попросил меня выйти. Я кивнула в знак согласия, и, повернувшись, чтобы уйти, увидела, что в церкви полно людей. Тысячи лиц, белые, черные, безобразные сливались перед моими глазами. Я с ужасом смотрела на их змеиные языки, которые быстро высовывались и сразу же

прятались. Люди с передних рядов внимательно смотрели на меня, и судорога проходила по моему телу от их холодных взглядов. Я не могла пошевелить конечностями. Они будто налились свинцом. Кровь застыла в морщинах на лицах прихожан...

Священник, который стоял возле, взял меня за руку. Мои ноги были как безжизненные, и я не могла сдвинуться с места. Пастор настойчиво потянул меня к дверям. В конце концов, мои непослушные конечности подчинились. Я медленно шла, стараясь не обращать внимания на людей, которые сидели на лавках у прохода. Все в них было искривлено и неестественно. Большие уши достигали потолка, рты были широко открыты от смеха. Они смеялись надо мной. Некоторые указывали на меня пальцами, их смех эхом отражался в моей сбитой с толку голове, я чувствовала себя смущенно. Моя голова бессильно склонилась на грудь. Я слышала, как люди говорят между собой, но их слова терялись в громком смехе. Когда я дошла до выхода, я уже не владела своим телом, дрожание охватило меня с ног до головы. Выйдя из церкви, я остановилась на верхней ступеньке, не зная, куда идти. Вдруг двери за моей спиной открылись: от испуга я едва удержалась на ногах. Это был пастор. Он остановился возле меня и спросил, не нужна ли мне помощь. Я ответила, что его обязанность — помогать своим прихожанам. Пастор был уже немолодым человеком, и я смотрела на морщины вокруг его кротких глаз, которые прорисовывались, когда он улыбался. Я сказала, что лишь Бог поможет мне. Священник в ответ обещал помолиться за меня.

Я поблагодарила его и быстро сбежала по лестнице вниз. Уже идя по улице, я оглянулась на церковь: священник все еще стоял возле входа и ветер развеивал его сутану. Скоро его фигура стала маленькой черной точкой на фоне церковных ступенек.

Жгучее желание, почти необходимость закурить ускоряла мои шаги. С обеих сторон улицы стояли одни жилые дома, никаких магазинов. Я вспомнила, что видела магазин сразу у входа в парк. Рана на ноге кровоточила, но, как это не удивительно, боль не ощущалась. На тротуаре за мной оставались красные кровяные следы.

Наконец я вышла на перекресток. Снова дорожное движение загнипнотизировало меня. Яркие цветные пятна, влекли меня, проносясь по дороге. Магазин был на моей стороне улицы, и лишь желание закурить удержало меня от попытки перейти дорогу. Правда, магазин был и на другой стороне, и на миг я подумала войти в эту живую цветную сказку. Наконец,

если Бог со мной, я останусь жива. Но если вдруг Бог не со мной? Я молча обругала себя за попытку поиграть с Богом.

Я вошла в магазин, подошла к прилавку и спросила мои любимые сигареты. Продавец дал мне целую пачку, которую я сразу же раскрыла. Я попросила у него спички и зажгла сигарету. Я глубоко затянулась. Владелец магазина спросил меня о деньгах. Это была мелочь, о которой я совсем забыла. И разве это было важно в этот миг? Я ответила, что у меня нет с собой денег, но я обещаю возвратить их позднее. Продавец сказал, что вызовет полицию. Я согласилась и терпеливо ждала возле прилавка.

Наконец пришли полицейские. Владелец магазина, драматизируя события, взволнованно рассказывал, как я хотела его ограбить, как я зашла с ружьем в руках и угрожала его убить.

Лейтенант повернулся и спросил мое имя. Я уже собиралась ответить, но слова не пришли мне на ум, я все забыла. Я не знала своего имени! Я стояла неподвижно, истязая свой мозг, чтобы найти ответ. Я перебирала все знакомые мне имена сначала на букву А, потом Б, потом В, но ничего не помогало. Меня охватывала паника, руки и ноги задрожали.

Один из полицейских забрал у меня пачку сигарет и отдал оскорбленному собственнику. Продавец что-то быстро говорил, голос его был похож на электронный. Его бранные слова на задевали меня. Я предложила возвратить наполовину выкуренную сигарету, однако лейтенант сказал, что я могу оставить ее себе. Но я должна идти с ними. И продавец, и полицейские смотрели на мои ноги, мне было стыдно. Я поставила одну ногу на другую, стараясь хоть как-то прикрыть их.

Полицейские отвели меня к машине и приказали сесть на заднее сидение. Я благодарно подчинилась. Я была измождена, и снова сильной болью напомнила о себе рана на ноге. Мне ничего не оставалось, как смотреть на затылки моих спутников. Сзади они напоминали близнецов: их русые волосы был подстрижены на одинаковом уровне выше воротников. Замирая, я наблюдала, как две пары глаз пробиваются сквозь волосы на их затылках сразу под фуражками. Мне стало весело, я рассмеялась.

Полицейские беспокойно осмотрелись. Водитель снова спросил мое имя. Я вздрогнула. Другой спросил, не употребляю ли я какие-нибудь химические препараты. Я ответила утвердительно, имея в виду зеленый сироп и ложку джема после этого. Они насторожились. Это было видно по их лицам.

Минуту они говорили между собой. Потом водитель спросил меня о названии наркотиков, которые я принимаю. Я ответила, что не знаю. Я снова вздрогнула. Водитель пересел на заднее сидение, закатил у меня рукав блузки, внимательно изучил мою руку и белую кожу на запястье. Он выглядел растерянным и сказал что-то лейтенанту. Лейтенант снова спросил мое имя. Я ответила, что скажу им, если они отвезут меня домой. Водитель спросил, где я живу.

Я описала ферму, окруженную сенокосами, диван, обтянутый тканью из некрашеной шерсти, коричневый эстамп на стене, бассейн (не мой), дедушкины часы (также не мои) и зеленый больничным лабиринт. Я не могла представить себе что-то конкретное. Я посмотрела в окно: уже темнело. Луч света упал на спинку сидения ниже голов полицейских. Я наблюдала за ним. Пучок света превратился в круглый мячик. Это было лицо с двумя большими идеально круглыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами. Они посмотрели на меня, и уста сложились в улыбку. Я притронулась к лицу. Оно согрело мои пальцы.

Офицеры начали смеяться. По их разговору я поняла, что они говорили что-то о "чокнутых" и "желтых домах". Они думали, что я сумасшедшая.

Я молчала, а они цеплялись ко мне со своими вопросами. Ничего не отвечая, я напевала лицу, которое светило на спинке сидения. Ничто другое меня не интересовало - только это счастливое душевное лицо, и тот факт, что где-то в мире есть человек, который молится за меня. А это было самое важное.

Вдруг мы подъехали к больнице. Я не помню, как мы попали туда. Выбравшись из машины, я натолкнулась на офицеров, которые окружили меня. Они сказали, что проводят меня в палату. Я поблагодарила их, но сказала, что они больше не нужны. Они ответили, что все же хотят это сделать, если я не очень возражаю. Это было очень мило с их стороны.

Когда мы добрались до палаты, офицеры развернулись, чтобы уйти. Они понимали, что сделали все, что могли и что им уже пора. Они знали, что где-то здесь запрятана игла. И не ошибались.

На этот раз я схитрила. Я позволила им окружить себя, как стая хищников окружает свою добычу. Я спокойно прошла с ними в свою комнату, сама закатала рукав и подчинилась игле.

Письмо

Через несколько дней меня зашел навестить Бобби. Я была слишком утомлена, слишком больна и разбита, чтобы встать из кровати. Он хотел прогуляться по лабиринту, но об этом не могло быть и речи. Он предложил сигарету, и мы молча курили. Потом, с особым блеском в глазах он сказал мне, что я нарушила порядок, покинув палату; это может вызвать серьезные неприятности. Они хотели бы видеть меня сейчас. Бобби смеялся, рассказывая, какую панику вызвал этот эпизод среди персонала. Он находил в этом странное удовлетворение. Но Бобби тоже казался выбитым из колеи. Он быстро говорил. Было тяжело следить за его мыслью. Он взъерошивал волосы, потирал руки, трогал уголки рта. Я попросила Бобби замедлить темп. Он сказал, что моя неспособность понять его вызвана моим лечением. Я не согласилась, ответив, что это он говорит слишком быстро и громко. Бобби ненормально жестикулировал руками, с каждой минутой все больше возбуждался.

Он сидел на краю кровати, вдруг взял и бросил зажженную сигарету мне в лицо. Окурок упал на постель рядом со мной. Я не обожглась, и только маленькая коричневая дырочка на простыне свидетельствовала о том, что произошло. Но он мог таким образом устроить пожар. Я была оскорблена.

За этим эгоистическим чувством я не сразу поняла, что у Бобби что-то нехорошо. Он приходил в больницу не для того, чтобы ободрять нас. Он был здесь не в роли искреннего друга. Бобби был здесь потому, что так было нужно. Он был болен. И я должна была понять, что не только я могу быть обижена.

Письмо

Все время меня посещает мой психиатр. Он встает в дверях и громко обращается ко мне: «Как вы чувствуете себя сегодня?» «Просто прекрасно, отвечаю я. - Когда вы меня уже заберете из этого ада?» Он записывает что-то на маленьком кусочке бумаги и идет прочь. Мы с Бобби прогуливаемся вместе по коридору - лабиринту. Он держит меня за руку и представляет своим знакомым, которых мы встречаем. Думаю, мы заключили перемирие после инцидента с сигаретой. Бобби очень любезен с врачами. Это немного беспокоит меня, поскольку он всегда предупреждал меня относительно них. Я и самая знаю, на что они способны. Бобби сказал, что ему кое-кто симпатичен. Особенно нравится одна сестра с длинными красивым волосами, которые она заплетает в косу и украшает лентами. Она очень красивая. Бобби говорит, что он может "в самом деле сблизиться с ней" (ага, еще чего).

Врачи до сих пор не позволяют мне носить обычную одежду и я, как и раньше, хожу закутанная в синий халат. Но в эти дни это было не так важно, потому что я видела других людей в такой же одежде. Выглядели они странно, но не казались сумасшедшими или с необычным поведением. Иногда кто-то из них улыбался, и я ощущала тепло в душе. Мы товарищи в синем. С нами все хорошо.

Письмо

У Бобби есть собственная комната и, что чудесно, собственное стерео. Он говорит, что у него множество привилегий, поскольку он пробыл здесь довольно долго. Он утверждает, что врачи используют его для какого-то эксперимента. Я не думаю, что ему можно верить. Мы с ним сидим на полу перед стерео, часами слушая его любимые рок-группы. Довольно удивительно, но все песни могут напрямую относиться к нашим судьбам. Мы подпеваем каждой песне, замирая на каждой лирической ноте, будто наша жизнь зависит от нее.

Врачи несколько встревожены нашим поведением. Они постоянно заходят к нам и просят выключить музыку. Скорее всего, мы мешаем им сосредоточиться. Бобби действительно сроднился со своей музыкой. Он привстает, стройный и сильный, с бледным лицом и громко выкрикивает слова одной грустной песни, которая наиболее близка ему. Бобби выглядит драматически. Он полностью растворяется в музыке, и однажды я видела, как по его щеке покатилась слеза. Он быстро смахнул ее и отказался об этом говорить.

Письмо

Зашла семейный врач. Она села на полу возле меня перед стерео Бобби и попробовала пошатываться в такт музыке. Я засмеялась и сказала, что она не должна сидеть на полу со своими пациентами. Если бы мой психиатр увидел ее в таком виде, он бы ее высмеял.

Письмо

Ко мне зашла сестра и сказала, что уже время присоединиться к общему курсу лечения. Она протянула мне лист бумаги с рекомендациями врача. Это было расписание занятий, которые я должна была посещать время от времени вместе с другими пациентами. Первым занятием, на которое я пошла, была физкультура. Меня сопровождала сестра. Занятия происходило

в комнате для посетителей. Мы опоздали и пришли, когда занятие было в самом разгаре.

Мужчины и женщины прыгали по кругу. Из старого магнитофона, который стоял на стуле, звучала песня, трубя о "дружбе, любви и мире" (где-то семидесятых годов, правда ведь?). Инструктор сказал нам взяться за руки и идти по кругу. Сестра подтолкнула меня и вложила мою руку в чью-то вспотевшую ладонь. Мы шли по кругу и кто-то подпевал музыке.

Мне было неуютно и стыдно, поскольку все были одеты. Я посмотрела на свои голые ноги, густо покрытые жесткими волосами. Я до сих пор не могла пользоваться бритвой – они не доверяли мне. Я пристально смотрела на волосы, желая, чтобы они исчезли.

Я глянула на лица моих товарищей по несчастью. Двое улыбнулись мне в ответ. Вместо зубов у них были клыки. Кровь капала из ртов. Они продолжали улыбаться и их оскалы ни разу не вздрогнули. Чтобы не видеть этого, я перевела взгляд на их ноги и уперла его в пол. Змея свернулась кольцом прямо передо мною. Я попробовала оттолкнуть ее большим пальцем ноги, но она подняла голову и открыла рот, будто собиралась укусить. Прозвучал хриплый, сдавленный смех. Я старалась не обращать на него внимания.

Инструктор попросила нас стать один за одним, оставляя пространство для движений, и делать глубокие коленные выпады. Я делала выпады только наполовину, поскольку мне мешал халат. Я ощущала себя глупо. Все это было просто глупо. Мы были людьми неприспособленными к жизни, танцующими в кругу, будто это была самая обыденная вещь в целом мире. Другие люди сидят в офисах, принимают решения, печатают, рисуют, руководят; а здесь были мы, группа удивительно одетых людей (некоторые из нас совсем не по моде), которые прыгали так, будто это было очень важно. Занемевшими голосами мы пели о мире и любви.

Я попробовала стрясти руку инструктора. Я не могла расслышать, что она говорила. Я слышала только звук моего собственного дыхания, который становился все более громким, так что его могли услышать все. Сестра подошла, обняла меня и вывела из круга. Я чувствовала себя примерно так, как Джеймс Браун, известный рок-певец, которого забрали со сцены, когда он перешел границу дозволенного.

Я проклинала все и всех в этой комнате, в больнице, во всем мире. Я проклинала моего врача (который случайно оказался рядом). Я проклинала сестер, которые старались схватить меня. Я подвергала сомнениям их нравственность и интеллект. Пол поднялся вверх, потолок упал вниз. Стены вибрировали. Я проклинала и кричала, используя слова, которые когда-то использовала Ариан. Все приближавшиеся ко мне были с искривленными лицами. Кровь и слюна капали из их ртов. Некоторые лица были без глаз и носов. Они старались что-то говорить мне, но я не могла их слышать. Гул в моей голове поглощал их голоса. Образы мгновенно вспыхивали в мозгу, будто перед моими глазами прокручивалась кинолента, преисполненная ужасов, злодеяний и крови. Я была неспособна контролировать себя. Они отвели меня в мою комнату. Ошеломленная, я села на край кровати и замерла. Скользкие змеи ползли вверх по стенам. Сейчас они остановятся, чтобы посмеяться надо мной, и поползут дальше. Проклятые змеи знали. Они знали. Они свисали с потолка и насмехались надо мной. Наконец под воздействием моего взгляда они попадали наземь. Это принесло мне некоторое облегчение. Теперь мне просто надо знать, как заставить их исчезнуть. Пришла сестра со стаканом липкого зеленого сиропа. Подчеркнуто медленными движениями я взяла стакан из ее рук. Она села на стул напротив меня. Она изучала меня. Я изучала ее. Волосы мелкими кудрями обрамляли ее лицо. На ней почти не было косметики. У нее были теплые карие глаза, в них светился ум. Минуту я внимательно смотрела на нее. Ни одна из ее черт не была искривлена или обезображена. Это был знак.

Сквозь окно пробился солнечный свет. На миг он вспыхнул на голове сестры, потом остановился на ее лице. Змеи на полу перевернулись на спины и грели свои животы на солнце. Они выглядели комично и вовсе угрожающе. Я подумала, не дать ли им имена. Образы в моем мозгу утихомирились, и мысли входили в обычную колею. Красные и зеленые искры летали в воздухе и падали на ковер. Я закрыла глаза.

Я тихо молилась, чтобы этот кошмар закончился.

Письмо

Я принимаю лекарства, но несмотря на это не могу поверить в свое "сумасшествие". Я не могу быть сумасшедшей. Персонал думает, что я сплю, но на самом деле я лежу с закрытыми глазами, стараясь вернуть ощущение бытия. Я силюсь вспомнить, как жила до того, как попала в больницу, но мой мозг может воссоздать лишь беспорядочные образы людей и мест. А когда я

стараюсь свести их во что-то единое, они теряют смысл. Взмокшая, я наконец засыпаю.

Бобби сказал мне, что Дебра пошла домой. Ее запястья зажили и они не могли больше ее держать. Я буду скучать по ней.

Я чувствовала себя очень одиноко в эти дни. Бобби почти не заходил: он нашел Ингрид. Однажды он привел ее ко мне в комнату, но она не хотела оставаться. Она сказала ему, что боится меня. Когда это я начала пугать людей? (Но я сама испугалась до полусмерти, когда увидела себя в зеркале).

Как-то после обеда Бобби попросил меня об одной услуге. Я скучала по его обществу, и поэтому согласилась. Он повел меня к дверям своей комнаты и попросил побыть здесь. Затем повернул голову в сторону ванной комнаты, где сквозь полуоткрытые двери было видно голую ногу Ингрид. Я все поняла.

Я стояла возле дверей, скрестив руки, и надеясь, что выгляжу равнодушно и невинно. Несколько сестер прошли мимо и улыбнулись мне. Я улыбнулась им в ответ, одной даже помахала рукой. Бобби включил свое стерео на полную катушку, и я ногой отбивала в такт музыке. Я уверена, что выглядела убедительно. Голоса Бобби и мисс Романтики я слышала сквозь закрытые двери ванной довольно хорошо. Теплая волна стыда поползла по моей шее. Я увидела врача, который спускался по ступенькам в своем зеленом костюме сафари, и тихо молилась, чтобы он не остановился поговорить со мной. В руках у него был маленький кусочек бумаги. Он подошел ко мне и спросил своим мягким добрым голосом, как я чувствую себя. Я выдавила из себя нечто невнятное, он изумленно посмотрел на меня. Я почти уверена, что он слышал звуки позади нас, но если и слышал, то не подал вида. Однако он сделал короткую запись в своем листке. Если это означает увеличение дозы зеленого сиропа и клубничного джема, то Бобби мой должник.

Письмо

Сестры настаивают на своем. Они говорят, что я должна присоединиться к общему курсу и что это приказ. Если благодаря этому я смогу выбраться отсюда, то я согласна.

В первую очередь - эти ужасные занятия физкультурой. Мы разминаем конечности, но я сомневаюсь, чтобы эти упражнения давали какую-нибудь физическую пользу.

Во-вторых, к каждому из нас приставлена сестра, которая говорит с нами где-то в течение часа. Это очень сложно, поскольку, как правило, они задают вопросы, на которые у меня нет ответов. В знак поддержки сестра поглаживает меня по руке. Я уверена, что все считают меня полной идиоткой и иногда это вызывает у меня злость. Я не должна сердиться на них, но меня выводит из себя их снисходительный взгляд. Обычно я недолго терплю эту рутину, потом встаю и иду прочь, обрывая их на полуслове. Я знаю, что это жестко, но думаю, что справедливо.

Я становлюсь все более сердитой и агрессивной. Я не собираюсь убить или поранить кого-то, но я настолько не в себе, что мне хочется разбить мою глупую голову. Что бы не происходило сейчас со мной, я просто хочу это прекратить. Должно же это чем-то закончиться! Если конца не будет, я наверно сойду с ума. Мой мозг работает втрое быстрее, чем когда-либо раньше. Не думаю, что это хорошо. Сестра с мелкими кудряшками говорит мне, что лекарство замедляют скорость мыслей. Бобби считает наоборот. Он говорит, что все проблемы от лекарств. Я склонна доверять Бобби в этом вопросе и хочу сегодня отказаться от лечения.

Следующий пункт повестки дня - "ТТ". Это, конечно, означает трудовую терапию. Пациенты делают летающих змеев, которые не летают, керамические вазы. Некоторые женщины по желанию могут вязать или шить. Есть также деревообрабатывающая мастерская и кухня - для тех, кто любит варить или печь. Я планирую сделать вазу для цветов, которые мне никогда не подарят.

После трудовой терапии мы проводим групповую терапию. Восемь или девять больных садятся вместе в круг, а два или три врача предлагают нам тему дискуссии. В основном это проблемы, которые мешают нам жить в больнице. Обсуждение бывает интересным, поскольку иногда кто-нибудь из пациентов жалуется на другого больного, с которым он не ладит. Там можно услышать: "такая-то доведет меня до сумасшествия, если не будет разговаривать со мной", "я думаю, что такой-то - сноб"; или "такой-то весьма много курит. Я видел 25 окурков в унитазе". Обсуждения хорошо контролируются и направляются врачами во время занятия, но после него начинаются истинные словесные баталии.

Один из пациентов вспомнил, что Бобби много времени проводит в ванной. Бобби не было на этом занятии, но Ингрид - была. Она внимательно рассматривала свои ноги, будто на них выросли здоровенные пальцы. Но я

заметила подобие улыбки на ее губах. (Едва ли Ингрид знает, что Бобби принимает в ванной еще и других девушек. Бедняга).

Я никогда не принимаю участие в обсуждении. Боюсь, что все, что я скажу, может быть использовано против меня, если не врачами, то, по крайней мере, другими больными. Я просто слушаю.

Недавно к нашей группе присоединилась девушка-подросток. Бобби всегда мне рассказывает о новых больных в больнице, но он никогда не упоминал о Элен. Ей около 15 лет, она очень мила и не очень больна, поскольку ей разрешается носить голубые джинсы и свитер с нарисованным Микки Маусом на груди. Но она такая хрупкая и невинная, что хочется приласкать и защитить ее от всего плохого.

У Элен есть свой амулет. Она везде носит маленькую самодельную меховую куклу, с которой все время разговаривает: "Тидбит, ты не должен так говорить. Это плохо". Одному Богу известно, какую такую пакость выкинул маленький Тидбит.

Я боюсь за Элен. Она может стать мишенью для некоторых насмешливых лиц. Она будто держит себя в руках. Надеюсь, что Тидбит не будет участвовать в групповой терапии. Пусть он остается немым.

Письмо

С сегодняшнего дня я отказываюсь от лекарств. Я хорошо это обдумала и считаю, что так будет лучше. Я не знала всеохватывающего чувства ужаса, пока не попала в больницу. Причиной этого наверняка являются лекарства. Этим же можно объяснить и то, почему душевнобольные становятся душевнобольными. Они приходят в больницу травмированными, но здоровыми, и становятся здесь лунатиками по причине лечения. Это логично. Когда я училась в школе, многие мои одноклассники увлекались тем, что вызывали у себя галлюцинации. Они принимали химические вещества, которые возбуждали мозговую деятельность, и тогда они ходили по лунному лучу или видели Иисуса Христа. Но через определенное время они снова становились нормальными людьми. Так они "путешествовали" в мир сумасшествия.

Когда сестра зашла в мою комнату с маленькой знакомой мне бутылочкой, я отрицательно покачала головой. Сначала она восприняла это спокойно и спросила, почему это я веду себя не так, как всегда. Я спросила у нее

название лекарства. Она ответила, что у меня два выхода: или я принимаю лекарство, или мне их будут вводить силой с помощью шприца. Я снова отказалась. Сестру это не удовлетворило. Она вышла, размахивая руками, как оловянный солдатик.

Естественно, вернулась она уже не одна. С невозмутимыми лицами они подошли к кровати, говоря мне о сотрудничестве и медицинских показаниях. Сейчас я не боялась их. Я была слишком сердита на них, чтобы бояться и была намерена бороться до конца.

Когда они начали окружать кровать, сестра с мелкими кудряшками вышла вперед. Я рассматривала ее. Она обратилась ко мне тихим, но властным тоном, я слушала. На ее блузке, как и у других, была приколата карточка, на которой я прочитала: "Карен". Она использовала все возможные доводы, лишь бы убедить меня. Обещала, что доктор Грин (как я его про себя называла) даст мне все пояснения относительно использования лекарства, говорила, что я умный человек и должна понять, что цель врачей - прекратить беспорядок, в котором я нахожусь. Это всего-навсего средство, необходимое для лечения болезни. Никто не хочет причинить мне вреда, сделать мне хуже. Она делала ударение на том, что я должна верить в это.

Я спорила, говорила, что никогда в жизни не принимала даже аспирина. Силы мои исчерпались – я закричала. Бесчисленные змеи вылезли из-под кровати, их лица морем ночных ужасов надвинулись на меня. Я бросилась к Карен, умоляя ее прогнать этих монстров. В конце концов, я подчинилась, и игла успокоила меня.

Письмо

Карен назначена моей постоянной медсестрой. Ежедневно я забрасываю ее вопросами о счетах и лечении. Она терпеливо рассказывает о положительных следствиях терапии и психиатрических лечебных процедур, ссылаясь при этом на доктора Грина, которому можно доверять. Мне тяжело в это поверить. Как можно доверять человеку, который уверен, что я сумасшедшая? Я не могу быть и не буду больной. Я отказываюсь.

С Карен легко говорить, у нас с ней полное взаимопонимание. Есть и другие врачи, с которыми легко общаться, но все же не так, как с Карен.

В больнице есть медбрат, который играет на фортепиано, когда на него снисходит вдохновение. Он и в самом деле одаренный человек: хорошо поет

блюз и рок. Когда я слышу издали его игру, мне хочется пойти в комнату отдыха и послушать его, но я каждый раз сдерживаю себя. Я не хочу, чтобы они думали, что хоть что-то нравится мне в больнице. Это может стать фатальным в решении моей судьбы.

Один раз в неделю у нас проходит вечер игры в лото. Бобби повел меня туда в прошлый раз. Я много смеялась, но не помню из-за чего. Кто-нибудь из дежурных каждую неделю обходит больных, собирая денежные пожертвования. Это может быть пени или доллар, не имеет значения. Потом он покупает разные пустячки: косметику, книжки, духи, головоломки - как призы для победителей игры в лото. Кстати, проигравших в этой игре не бывает: покупается контейнер попкорна, расфасованного в маленькие мешочки, и раздается в качестве меньших призов.

Но самое интересное, что для выигрыша не нужно заполнять всю карточку, можно заполнить хотя бы две строки. Ведущий игры выкрикивает определенный номер, и если у вас есть этот номер, вы выиграете и триумфально получаете мешочек попкорна. Как видите, выиграть очень просто и вы можете заработать до десяти пачек воздушной кукурузы за одну игру.

Ведущий всерьез исполняет свои обязанности. Он выкрикивает номера своим громким голосом и выглядит искренне взволнованным, когда кто-то подходит к нему за своим попкорном. Он поздравляет каждого, даже если этот человек выигрывает уже не первый раз.

Бобби эта игра быстро надоела, к тому же мы оба были буквально набиты попкорном. Пол укрывали маленькие белые шарики, которые скрипели под ногами. Уже можно было идти. Элен, которая сидела возле нас, прошептала, что Титбит выиграл 17 раз. Я посмотрела на стол, и действительно – Титбит был завален попкорном.

Письмо

Карен сообщила мне, что с приема сиропа я перехожу на прием таблеток. Она говорила об этом так взволнованно, будто это было невероятное достижение. Я сказала, что буду счастливая лишь тогда, когда совсем перестану принимать лекарства. Она рассмеялась, но добавила, что это значительный шаг к выздоровлению.

Я участвую в групповой и трудовой терапии. Я делаю керамическую вазу, которая выходит не такой уж хорошей. Я участвую во всех лечебных программах и послушно отвечаю на все вопросы врачей.

Я говорила с доктором Грином, но очень сдержано. Если бы он не был психиатром, мы бы с ним хорошо поладили. Но, зная его профессию, я стараюсь быть осторожной. Бобби говорит: "Веди себя нормально и он тебя выпишет".

Таким образом, я держу в секрете от врачей факт существования змей и шепчущих голосов. Змеи появляются теперь время от времени, но голоса не оставляют меня нигде.

Я чувствую себя растерянной, когда ко мне обращается другой человек, потому что не уверена кто на самом деле говорит. Однажды я перепутала голоса и ответила неправильно, о чем тут же догадалась по взволнованному выражению лица медсестры. Надо быть более внимательной, следить за губами людей, которые обращаются ко мне, чтобы знать, что говорить. Я всегда ненавидела ложь в любых ее проявлениях, но иногда она необходима, чтобы выжить.

Я не думаю, что мне придется быть здесь все время. Больные не такие уж и плохие люди, как я думала, надо лишь узнать их. На самом деле они добрые, не жестокие. И не потеряли человеческого достоинства. Они просто несчастные. Просто что-то искривило их жизнь.

Врачи тоже добрые, если говорить с ними как с людьми. Я была удивлена, когда одна из медсестер поделилась со мной своими проблемами. Я слушала и ощущала, что я кому-то нужна, что они – тоже люди. Они живут своей жизнью с ее проблемами и несчастьями, как и каждый из нас. Я больна, но верю, что вылечусь и вернусь к нормальному образу жизни. В конце концов, когда вы режете руку или ломаете ногу, вы обращаетесь к врачам, они накладывают швы, делают перевязку и отсылают вас домой. Я надеюсь, что со мной будет именно так.

Но это занимает так много времени! Я все еще вижу змей и слышу голоса. Лица тоже еще искажаются. Я думаю, что с этим можно жить; жить, но держать это в секрете от других людей. У меня была жизнь за пределами больницы и я должна вернуться к ней. Я должна... пока жива.

Письмо

Я чувствую себя изнасилованной и оскорбленной. Вся моя сущность, мои самые тайные мысли были изучены и выставлены на общий осмотр, они высмеивались на протяжении всего моего пребывания в больнице.

Мне казалось, я живу здесь уже целую вечность, и это в самом деле продолжалось уже довольно долго. Они сказали - несколько месяцев. В эти невыносимые дни я обращала внимание на разные мелочи: движение солнца, на больных и их лица...на ужасных змей. Прежде меня увлекала игра света и тени, теперь я избегаю этого. Но я знаю, что потеряла способность видеть мир в ретроспективе, видеть его целостную картину. Подобно фотографу, который направляет свой объектив на мелкие детали, я оставляла вне своего восприятия реальность. Я жила между двумя мирами: небесным царством эйфории и адом лунатизма. Эти два мира сосуществовали в моем расщепленном мозгу, мне тяжело это объяснить кому-нибудь.

Мы хорошо ладим с доктором Грином. Он удовлетворен тем, что с помощью лекарств и интенсивной терапии достигнута стабильность моего душевного состояния. При каждой возможности я спрашиваю его, когда мне можно будет вернуться домой. Он отвечает, что еще рано, что я еще не готова. Но я ощущаю, что готова (почти готова), и разгорается спор. Но потом он всегда сводит все к шутке: "Как, вы хотите нас покинуть?" И мы смеемся. Я не хочу признать, что он нравится мне.

Если бы мне удалось забыть то, что он "не наш", тогда бы, безусловно, мне было приятно его общество. У него мягкий, приятный голос и совсем непугающая внешность. Он красивый, с прямыми точеными чертами лица, широко открытыми глазами. Больные женщины любят брать его под руку, когда идут с ним по коридору. Они очень одиноки и всеми покинуты, доктор Грин понимает это. Он - хороший человек.

Письмо

Сегодня меня зашла посетить моя давняя подруга, подруга из моего прошлого. В этот день все мои мысли были упорядочены, я была почти в норме. Диана вошла в комнату, будто струя чистого воздуха. Она олицетворяла дом и жизнь, далекую от этого места.

Заходили другие друзья, и я понемногу вспоминала свое далекое прошлое, но воспоминания были тусклы и не связаны между собой, будто кусочки разорванной картины.

Я думала, что меня много что объединяет с другими пациентами: единые заботы, единые проблемы. Как всегда, я шла завтракать в столовую, забирала поднос, садилась на свое обычное место. Глотая пищу, я прислушивалась к разговорам, которые струились вокруг. Больные обсуждали свои отношения с врачами, приходили в негодование от правил внутреннего распорядка. Для меня это было уже неважным. Проблемы, которые их беспокоили, казались мне тривиальными и далекими. Много что изменилось. Я выздоравливала!

Через несколько недель меня выписали из больницы. Едва ли я осознавала, что ждет меня. То, что я наделала, когда не контролировала себя до госпитализации и о чем я здесь не упоминала, легло клеймом на всю мою жизнь. В идеале, когда человек выходит из больницы после длительной болезни, ему необходим покой, стабильность и безопасность, чтобы выздороветь окончательно. Мои давние поступки преследовали меня, и скоро я поняла, что мне никогда не вычеркнуть эту болезнь из своей жизни.

Наступала реальность.

РЕАЛЬНОСТЬ

Припоминаю, что перед госпитализацией мой мозг работал в таком темпе, что я едва успевала за ним. Мои мысли все время перескакивали с одного предмета на другой. Я говорила по телефону до трех часов ночи с каждым, кто слушал. Я не ощущала течения времени. В некоторые дни я была полной сил и чувствовала себя не седьмом небе, могла преодолеть любое несчастье одним театральным жестом. В другие дни я была взволнована.

Когда мой отец умер, он оставил пленку с записями своих стихотворений и высказываний разных философов, я слушала их неоднократно. Они начали преследовать меня. Среди ночи я украдкой спускалась в тьму и одиночество кухни, чтобы послушать их. Одну особую поэму он посвятил мне, и я прокручивала этот кусок пленки снова и снова. Он говорил, как он гордится мной. Я никогда не знала об этом его чувстве. Я слушала пленку целую ночь, и к времени утреннего кормления ребенка все еще не спала.

Прежде чем впервые попасть в больницу, я инстинктивно ощущала, что что-то нехорошо, но я винила в этом горе и стресс. Некоторое время я еще была способна присматривать за сыном и контролировать происходящее. В конце концов, чувство контроля исчезло, и я оказалась в психиатрической палате. Но не раньше, чем успела натворить бед.

Самым разрушительным моим поступком было бегство с другим мужчиной. Он был нашим соседом и хорошим приятелем. Это он и его семья передали меня в больницу. Для этого они вынуждены были сказать мне, что это роскошный отель. Перед бегством мне хватило здравого ума оставить нашего маленького мальчика со свекровью в городе. Мой муж позднее присоединился к ним. Потом он дал объявление о продаже дома и подал документы на развод и опеку над нашим сыном. Я вернулась совсем в другой мир, а тот, который я знала раньше, был разрушен.

Наиболее тяжелым в этой истории был период, когда я начала вспоминать подробности. Помню, как ехала в машине с тем мужчиной, моего сына на заднем сидении, пристегнутого в кресле безопасности. Когда я поглядывала на него, он ясно улыбался, думая, что это приключение. Так должно было быть. Мамочка никогда не поднимала его в это время.

Я не помнила многих деталей, но со временем все восстановилось. Это началось как увлечение. Этот мужчина поддерживал нас в трудные моменты, и я решила убежать с ним. Этот поступок сломал меня. Я не знаю был он

совершен сознательно или бессознательно. Каждая деталь преследовала, вина тяжело угнетала. Я ненавидела себя за то, что сделала своему мужу, ребенку и другим, кто пострадал в этой истории.

После выписки из больницы я пошла к мужу и молила его о прощении. Я стремилась, чтобы бы он понял, почему я вела себя так безответственно и бестолково. Но это было напрасно. Хотя я всегда была верной женой и хорошей матерью, я поняла, что наша супружеская жизнь закончена. Мы говорили, как чужие, будто никогда не имели ничего общего.

Дело развода-опекунства двигалось, пока я находилась в больнице. Поводом было нарушение супружеской верности. Конечно, я знала об этой юридической норме. Но, находясь в больнице, я заблудилась в фантазиях, моя жизнь вне ее границ существовала в другом мире, далеком от реальности. За это время я видела своего мужа один раз. Он привел агента по имуществу, чтобы договориться о продаже дома. Я смеялась над их шутками вместе с ними так, будто я была на сцене и мы разыгрывали пьесу. Я не совсем понимала, что происходит.

А наши друзья понимали. Многие поддерживал меня в это трудное время, кто-то держался в стороне. Эмоции все больше нарастали. Наш развод был очень противоречивым.

Я никогда не забуду, какой одинокой чувствовала себя. Я боялась верить кому-нибудь, говорить с кем бы то ни было по причине угрозы неожиданных последствий. Я стала молчаливой... похороненной в тишине, отягощенной ужасом.

Я потеряла все. Муж, сын, дом, остатки достоинства – все пропало. Я возлагала надежду на доброту других. Я не знала, куда податься. Как когда-то любимую, но уже поломанную игрушку, меня теперь забросили в дальний угол кладовки.

Подруга и ее муж были так добры, что приютили меня у себе, когда я впервые выписалась. Оттуда я переселилась к санитару из больницы (хоть это и было достаточно неэтично, но я думаю, он пожалел меня), и, наконец, смогла вернуться к моей маме, которая самая еще не совсем выздоровела.

Я посещала своего сына как можно чаще. Мне позволили свободно приходить к нему, временами я даже оставалась ночевать. Все проявляли доброжелательность - очень сдержано, но, тем не менее, я им верила.

С замешательством я наблюдала, как разные люди пеленали и кормили мое дитя, но я боялась вмешиваться. Я терпеливо ждала того момента, когда мы с ним оставались вдвоем и я смогу кормить и ласкать его. Ревность грызла меня, но я боялась последствий, и из-за этого не сопротивлялась. Мне хотелось встать и крикнуть им, что он мой. Но от той, которой я была раньше, остался только мышонок.

Я хотела, чтобы мы с мужем вернули время, вернулись с нашим сыном к жизни, которой жили когда-то. Я таки надеялась переубедить его, что это было бы справедливо. Множество раз я плакала и просила у него прощения. Обещала никогда не "сходить с ума" снова. Но те мольбы были напрасны. Они только ухудшали дело.

Я должна была возобновить свои отношения с сыном. В больнице я пробыла так долго, что, когда вернулась, он, казалось, не знал, кто я такая. Он был еще малыш, немного старше годика. Он должен был научиться узнавать меня снова - истинный подвиг при таком количестве мам вокруг. Как я ненавидела уходить от него! Я брала такси, чтобы вернуться от свекрови к маме и на обратном пути не могла сдержать слезы. Я старалась выглядеть спокойной, но это было невозможно. Водители такси начинали расспрашивать, но, в конце концов, оставляли это и везли меня в тишине, позволяя мне искать утешения в одиночестве моих собственных мыслей. Все казалось безнадежным.

Где-то в это время я решила бороться против установления опекуна. Я была наивна, преисполнена надежд и безосновательного оптимизма. Почти иллюзорного. Я нашла адвоката и начала собственное дело. В результате я была ограничена определенными днями для посещения сына и потеряла возможность свободно видеться с ним.

Поиск работы стал моими главной проблемой. У меня были навыки секретаря, но я не хотела такой работы, потому что большинство секретарских должностей включали бухгалтерию. Хотя я выполняла эту работу годами, я все еще принимала лекарства и моя сосредоточенность временами была очень низкой. Раньше я также работала официанткой, но я желала избежать этой работы по финансовым причинам. Наконец, я нашла должность кассира в супермаркете. Платили неплохо и начальство было готово меня учить. Следующим шагом был поиск жилья. Здесь возникли проблемы: аренда была высокой, а квартиры с приемлемыми ценами не были тем местом, где хочется растить ребенка. Помню, я смотрела один дом для

семьи с детьми, стены его были исписаны непристойностями, краска отслаивалась. Мелкие кусочки штукатурки покрывали пропитанные мочой ковры. Это было гадко. Другой осмотренный мной дом был полон насекомых, которые даже не убегали при приближении к ним. До сих пор жутко об этом вспоминать. Однако, в конце концов, я сняла приличную квартиру в полуподвальном этаже.

Работая в супермаркете, я встретила нескольких очень приятных людей. Это чрезвычайно помогло мне в восстановлении уверенности, я наслаждалась их добротой. Я тянулась к этой среде, появляясь на работе даже в свободные дни. Я прогуливалась, изображая из себя покупателя. Я ужасно нуждалась в человеческом тепле. Так, прогуливаясь, я познакомилась с одной очень одинокой девушкой. Мы вместе ходили в кино, за покупками и провели много субботних вечеров с пирожными Сары Ли и грудой картофельных чипсов. Мы были как сестры.

Я забирала сына в каждый второй уикенд и на один день на протяжении недели. Он не очень любил эту квартиру - он привык к просторному двору. Возле этого дома была детская площадка, но там было полно битого стекла от бутылок. Я должна была тщательно просматривать песок, просеивая его сквозь пальцы, прежде чем мой сын мог в нем играть. Я чувствовала себя виноватой перед ним, но это было лучшее из того, что я могла предложить.

Я старалась забрать его как можно дальше от этого засоренного песка. Иногда мы ходили на соседний остров, который он любил. Мы переправлялись на пароме, он прислонялся как можно ближе к поручням, лишь бы видеть воду. Он начинал говорить и крохотным пальчиком показывал на проплывающие предметы. Все было "уточкой", даже брошенная бумажка или пластиковая бутылка, которая подскакивала на поверхности. Больше всего ему нравилась карусель. Взрослые могли крутить его сколь угодно долго, пока не закружится голова или не засосет под ложечкой. Мы падали, перед глазами плыло, колени дрожали. А он требовал продолжения.

Его отец мог обеспечить лучшие условия для нашего ребенка: в настоящее время он жил со своей матерью в отдельном доме. И мой сын привык в течение дня играть во дворе, на свежем воздухе. Ему тяжело было сидеть в квартире, особенно в ненастье. Ситуация была печальной. Я заезжала к свекрови, чтобы забрать его, а он недовольно плакал, не желая идти со мной. И я поняла, что потом, когда я буду забирать его на уикенд, он будет

предпочитать остаться. Его таскали между нами, а до дня суда были еще месяцы. С приближением суда отношения с моим мужем и его семьей становились все более и более враждебными. Адвокаты забросали друг друга заявлениями. При многих разводах дело может приобретать довольно отвратительный вид. Так было и с нами – может даже хуже. Легко было доказать слухи, но не душевные связи. Никто не вспомнил, что я была хорошей матерью, но каждый пункт моей характеристики, все мои прошлые поступки открыто разбирались. Это было тяжелое время.

За несколько недель до нашего первого появления в суде я вернулась к контролю за собой. В тот момент я не узнавала симптомы, в глубине души искренне верила, что выздоровела; что я никогда не снова не взберусь на ту гору ужасов. Но все началось как в прошлый раз: бессонница, отсутствие аппетита и бесконечные слезы. Гнет был весьма тяжелый, и я сломалась. Как и раньше, это был медленный и длительный процесс.

Незадолго до дня суда мой адвокат ошеломил меня вероломной вестью. Он сказал, что разговаривал с доктором Грином, и что дела скверные. Он был намерен пригласить врача, чтобы тот дал свидетельство в мою пользу, но врач ответил, что это не имеет смысла. Д-р Грин сказал, что его свидетельства лишь повредят мне. Я была ошеломлена этой новостью и пришла поговорить с врачом.

Никогда не забуду ту встречу. Д-р Грин смотрел на меня с сожалением. Он говорил мне своим кротким голосом, что он не может помочь в этом случае, потому что прогнозы относительно меня неблагоприятные. Он сказал, что у меня "шизофрения" и я, очевидно, в будущем буду иметь "рецидивы". Я смотрела на него широко раскрытыми глазами и не верила. А он продолжал, что, несмотря на наличие у меня такого умственного заболевания, я все равно "приятный человек" и это останется неизменным. От этого мне не стало лучше. Если диагноз доктора Грин был верный, у меня не будет шансов на суде. Мне казалось, что он не прав. (В этот момент в памяти всплыли предостережения Бобби, но я выбросила это из головы). Нет. Здесь, должно быть ошибка.

Я выбежала из офиса и направилась прямо домой. Я звонила всем, кого знала, спрашивая, верят ли они врачу. Большинство сказала, что это бессмыслица и врач ошибается. Потом я позвонила по телефону нашей семейной докторше, надеясь, что она не согласится с приговором д-ра Грина. Вместо этого она подтвердила его.

Позднее, в ту вновь бессонную ночь, все его диагнозы подтвердились. Мысль о том, что я должна пройти сквозь кошмар рецидива способна была сокрушить сознание. Змеи, обезображенные лица, непреодолимый ужас, иглы, отвращение, все закружилось в памяти. Я не могла вынести это снова. Потом я прочитала, что часто врачи стараются припрятать такую информацию от пациентов, опасаясь самоубийства. В моем случае я просто отказалась верить.

Той ночью я заснула лишь на час, все время стараясь успокоить себя, что д-р Грин не прав.

На следующий день я пришла на работу изнуренная и растерянная. Я была очень удивлена, что мне доверили "экспресс". Но была довольна, ведь это означало, что на кассе я работала быстро и точно. Мои пальцы летали по кнопкам без нерешительности. Я считала, паковала и улыбалась. Мысль о диагнозе принуждала меня считать быстрее, паковать тщательнее и улыбаться радушнее.

Я не спала должным образом следующие несколько суток и начала худеть. Иногда я забывала помыть голову и приходила на работу растрепанная. Из последних сил я сосредоточивалась на езде в автобусе, переодевании в форму и нажатии кнопок. Я знала, что, потеряв эту работу, я потеряю все.

У меня начались галлюцинации. По какой-то непонятной причине мне стало жаль моих покупателей. Я смотрела на их лица и видела мутные слезы, которые катились из их утомленных глаз. Я думала о том, что они бедны и стараются как-то прокормить детей. Они пользовались экспрессом, потому что не могли позволить себе много продуктов. Чтобы помочь, я запаковывала половину заказа и пробивала на кассе, а остальное украдкой бросала прямо в грязные сумки. Я чувствовала себя святой.

Постоянная клиентка не поняла этого акта доброты и краем глаза я заметила, что она разговаривает с управляющим. Они пожимали плечами. Управляющий отвел меня в сторону и сказал, что я странно себя веду. Он предложил мне пойти домой и отдохнуть.

Когда я вернулась домой той ночью, моя квартира превратилась в зоопарк. Каждая частичка мебели оживала перед моими глазами. Шнуры электрической лампы превратились в змей. Круглый ковер приятных теплых цветов стал гнездом, где кишели черви. Люстра на потолке превратилась в отвратительное создание с чешуйчатыми свисающими ногами.

Я лежала на полу и наблюдала ужасные картины, которые разворачивались перед моими глазами. Призраки дрожали и танцевали. Я все время привставала, чтобы увидеть, не прячется ли кто-то за ними. Казалось, что двери ванной то открывались, то закрывались, кто-то шепотом повторял мое имя.

Я лежала внизу и старалась не поддаваться панике. Толстый деревянный пол скрипел подо мной. Я хотела вызвать скорую помощь, но сдерживалась. Я ощущала, что сама должна выйти из этого состояния.

Когда злые лица с кинжалами в руках начали появляться из-за кушетки и на потолке, я закричала. Чем больше я кричала, тем быстрее двигались лица, кружась и летая по комнате. Кровь капала из их ртов и черви висели из ноздрей. Я кричала, пока у меня не заболело горло и голос не превратился в хриплое карканье.

Тогда я молилась, сначала тихо, потом все громче и громче, чтобы заглушить бурчание голосов. В конце концов, ко мне, изможденной, пришел сон. Последнее, что я помню - мое сердце, увеличенное в тысячу раз, которое колотится в моей груди.

На следующий день я пошла на работу, но задержалась в столовой для служащих. Все выглядели по-новому, будто весь персонал сменился за 24 часа. Я не узнала никого. Это были другие лица с новыми прическами. Одна девушка спустилась ко мне по ступенькам и предложила какое-то странное блюдо.

В тот день я должна была встретиться с юристом и побежала на эту встречу, не переодевшись. Его офис находился неподалеку, но я была взволнована и заблудилась. Наконец я добралась, встретила с ним и проговорила несколько часов, наблюдая, как у него расширялись глаза и вытягивалось лицо. Потом он отвез меня в больницу. Я говорила всю дорогу. Я все еще говорила, когда меня вели к врачу, в приемный покой и сопровождали по ступенькам вниз, до психиатрической палаты. Я говорила, пока медсестра не ввела иглу.

Развод прошел без осложнений. Моему мужу поручили опеку над нашим сыном. И все.

На Рождество я сделала скворечник кирпичного цвета из остатков детского конструктора с таким маленьким отверстием, в которое могла влететь лишь воображаемая птичка.

Когда меня выписали, у меня оставалась квартира, но я потеряла работу. Нельзя осуждать супермаркет за это решение. Тяжело вести бизнес, когда ваши кассиры раздают товар. Однако они отнеслись с глубоким пониманием к ситуации в целом.

Хотя у меня осталась квартира я очень нуждалась в работе. Деньги, которые мне удалось сохранить, таяли. После множества попыток я нашла должность машинистки при лаборатории, которая поставляла амфибий в биологические кабинеты. Запах консервантов проникал в офис. Мне неприятно было ходить в заднюю часть здания по многим причинам. Я не могла выносить этот запах, к тому же сочувствовала бедным лягушкам. Их там держали в банках. Лягушки, прыгая по кругу, использовали друг друга в качестве лестницы и пытались сбежать. Это было ужасно.

Работники лаборатории дразнили персонал офиса, сажая огромную жабу на бачек с водой в женском туалете. Некоторые из нас целый день ходили с полным мочевым пузырем.

Я встретила девушку, которая согласилась снимать вторую спальню в моей квартире. Она была хорошей. А моя спальня была достаточно большой, чтобы устроить там кровать для сына, которого я забирала раз в две недели на выходные. Квартирантка облегчила мое материальное положение, потому что на работе платили мало.

Через несколько месяцев работы в компании у меня начались проблемы. Я принимала все выписанные лекарство, но было очень тяжело сосредоточиться. Сначала я отнесла это на счет скучной работы, поскольку моя должность предусматривала большой объем печатной работы. Но когда компания расширила сферу моей деятельности, стало еще хуже. Бывали дни, когда я сидела, уставившись в единственную страницу, и не могла ничего сделать. Слова плыли и менялись местами на странице. Я все время чувствовала себя утомленной и постоянно опаздывала на работу. Особенно сложно бывало после обеденного перерыва: до него я еще могла разогнать свою усталость. В результате меня уволили.

К счастью, я нашла другую работу. Я говорю «к счастью», потому что моя квартирантка сообщила мне о своем решении покинуть город. Теперь я

лишилась материальной поддержки от сдачи комнаты. Когда она выехала, я сняла квартиру с одной спальней в этом же доме, как раз под вестибюлем.

Чтобы получить новую должность, я должна была пройти много собеседований, их содержание обычно было чрезвычайно скучным. Самое трудное при поисках работы было пережить стыд. Как сказать: «О, в это время я была в психиатрической больнице»? Сомневаюсь, что это оказывало благоприятное впечатление. А когда они спрашивали о сыне, я не знала, что отвечать. Если я скажу, что он живет с отцом, они подумают, что со мной не все в порядке. Мне кажется, что матерей обычно не лишают прав, если только они не проститутки, алкоголички или сумасшедшие.

Это не очень благодарное дело — объяснять людям, что ты сумасшедшая. Кое-кто советовал мне вообще не упоминать о семье, но я не могла принудить себя письменно отказаться от моего ребенка. Я ощущала, что едва лишь эти слова появятся на бумаге, как возврата уже не будет.

Но для новой работы, казалось, это не имело значения. Они позарез нуждались в машинистке, и я прошла печатный тест с положительным результатом. Это было несложно. Компания была небольшая и держала всего нескольких служащих. Мы были коллекцией интересных характеров и разных жизненных путей. Я сразу приспособилась.

Я имела собственную рабочую комнату и оставалась работать в одиночестве. Прошла неделя, я ощущала себя все увереннее. Меня наняли, чтобы замещать Эмили, которая должна была идти в декретный отпуск, и она готовила меня. Ее должность включала бухгалтерию, прием, машинопись и решения всевозможных проблем.

Эмили чувствовала, что я была заперта и одинока, и она обычно старалась поддержать меня добрым словом. Она с доверием рассказала мне о своих опасениях относительно ребенка, и я заверила ее, что все будет хорошо. Она дала мне ощутить себя нужной, значимой. Эта дружба поддерживала меня. За то время, что мы провели вместе, она стала моей самой близкой подругой на много лет.

Когда она ушла, я заняла ее место. На протяжении некоторого времени я справлялась хорошо, но это забирало все мои силы. Я звонила Эмили 3-4 раза в день за поддержкой и советом, возвращалась домой совсем изможденной, сразу падала и засыпала.

Личной жизни у меня не было. Я немного общалась, но отношения казались сложными, к тому же, меня угнетал страх, что раскроется моя болезнь.

Я работала там уже 5 месяцев, когда возникли проблемы. Я не могла сосредоточиться, от этого страдала скорость печати. Меня это невыразимо огорчило, я склонилась вниз и начала плакать. В другой раз из-за галлюцинаций я начала «списывать» в книгах самые важные счета. По каким-то причинам я решила, что эти симптомы вызваны лекарством, которое я принимала. Я думала, что, отказавшись от таблеток, буду способна выполнять работу лучше, буду более бодрой и не такой разбитой. Это была ошибка. Взорвался психоз, и полностью овладел мной.

Когда начались галлюцинации, я не пошла в больницу. Я ощущала, что обратившись туда снова, рискую правом свиданий с сыном. На протяжении 2 дней я лежала на полу, обращаясь к уродам с адскими лицами. Галлюцинации были настолько ужасные, что я начала молиться Богу, и так пылко, что в конце концов он сам явился мне как галлюцинация. У видения не было длинной седой бороды, он не держал посох. Он имел ласковое лицо, даже с веснушками. Я открыла ему свою душу, и из нее вылился монолог отчаяния. Он слушал, кивая головой с действительно глубоким сочувствием. Я считала, что Бог наслал на меня болезнь как кару. Но видение убедило меня в противоположном. Он сказал, что так сложилась жизнь. Казалось, он обиделся, что я предъявила обвинение ему в такой жестокости, и сказал, что я должна научиться бороться. Образ начал исчезать и я протянула руку, чтобы коснуться его. Но он уже растаял.

В конце концов, я позвонила в больницу, и они попросили меня прийти. Я сказала им, что хочу только спать. Персонал согласился проинструктировать меня по телефону. Карен посоветовала мне вскипятить немного молока. Она сказала, что оно уменьшит напряженность. Я достала кастрюлю свободной рукой, второй прижимая трубку к уху. Неудачное движение вспотевших ладоней — и молоко плеснуло на пол, где образовалась липкая белая лужа, которая превратилась в розовую, а потом в красную. Красная лужа постепенно двигалась, разделяясь на круги. Круги становились лицами, прикрепленными к худым, жилистым шеям, которые поднимались и падали на линолеум.

Я не знаю точно, когда положила трубку. Я абсолютно не контролировала себя и вышла на улицу. Небо было темное, собирался легкий дождь.

Мой брат с полицией нашли меня лишь в полдень. Совсем одурманенная, я принимала участие в собственной версии Марафона Надежды Терри Фокс. Я шла посреди переполненного шоссе. Кто-то должен был проявлять заботу о моей безопасности, иначе я бы погибла. Машины разъезжались и сигналили, а я думала, что они поздравляют меня. Большого сумасшествия не могло быть. Брат и полиция окружили меня пышным эскортом. Я понимала, что они делают это из-за моего бегства.

Во время госпитализации я приняла одно очень трудное решение. Такого решения я бы не пожелала самому худшему врагу.

После развода прошло много времени, но тяжбы между нами не прекращались. Мой бывший муж обустроивал свою новую жизнь, как и должно было быть, а я завязла в старой. Он встретил женщину и выстраивал новую жизнь. Мой сын приспосабливался к этому.

Но я не могла выбросить это из головы. День за днем я цеплялась за безопасное прошлое и в отчаянии упрямо обращалась к тем временам, которые теперь казались такими замечательными. Время от времени я отказывалась от своих прав на посещение, так чтобы они могли куда-то повезти моего сына. Был случай, когда я была слишком больна, чтобы держать его у себя. Я вынуждена была позвонить свекрови, чтобы она приехала и забрала его досрочно. Забрать его приехала невеста моего мужа, и я никогда не забуду, как передавала ей сына и смотрела, как они идут, держась за руки, прочь от моих дверей, как тихо шелестел его зимний костюмчик за каждым неуверенным шажком. В душе я понимала, что мой бывший муж и его будущая жена предлагали уверенность, дом и безопасность, которые так необходимы ребенку. Это был бесконечный источник раздумий.

Я решила отдать своего сына. Это решение – ад, с которым я живу. Если только вы не пережили подобного, вы никогда не сможете представить себе это чувство. Персонал больницы всячески поддерживал и помог мне справиться, они старались объяснить мне, что я хорошая мать, если поступаю так. Были и другие пациенты, которые сделали то же самое, иногда они вынуждены были отдавать своих детей в детские дома. Но до сих пор мне не легче, и я искренне верю, что мой маленький мальчик однажды поймет, что я поступила так из любви.

Меня выписали под опеку моей матери.

На удивление, компания, в которой я работала, сохранила мое место. Я была поражена, когда узнала об этом, так же, как и мой врач. Такое понимание и доброта в подобной ситуации кажутся исключительными. Конечно, я вернулась. Все они были очень добры ко мне. Вскоре прошел стыд оттого, что моя болезнь открылась, я начала приживаться. Но моя сосредоточенность была слабой, а депрессия казалась бездонной. Надо мною брали верх грусть, вина и, как всегда, волнение. Я чувствовала себя ужасно, но заставляла себя работать из признательности за безмерную поддержку, которую я здесь получила. Внутри было пусто, я забыла, что такое смех.

В компании начались финансовые трудности, и партнеры решили разделить, разойтись по отдельным направлениям. Я уволилась. Казалось, будто все, кого я любила, отдалялись. Я не могла контактировать ни с одним из моих добрых друзей, которые оставались моей поддержкой. Невыразимо больно было чувствовать себя отдаленной от их круга. Воспоминания о том, как наши дети играли вместе, об обедах, поездках на природу и об общих праздниках заполняли мои мысли. Позже тяжелый покров депрессии впитал остатки воспоминаний, и оставил только отчаяние. Отчуждение не было радостью. Приглашения перестали поступать, и я закрылась в себе.

Ранее очень опрятная, особенно относительно своей внешности, я стала неухоженной. Я принимала ванную только по необходимости и упрямо носила все время одну и одну и ту же обтрепанную фиолетовую ночную рубашку, Она была распорота и порвана в нескольких местах, но я носила ее как оружие истины. Она отвечала состоянию моей души. Я предпочитала неубранную кровать в моей темной комнате остальному миру. Я спала днем и ночью, временами 16 часов подряд. Моя мать приходила только для того, чтобы вытянуть меня поесть. Я поднималась пообедать и слушала ее упреки, а по окончанию немедленно возвращалась в кровать.

Я ненавидела выходить из дома, когда сияло солнце. Я гуляла во дворе только при самой плохой погоде. Казалось, в этом была своя справедливость. За весь тот период я помню единственное приятное ощущение — глоток воды, которая утоляет жажду и наслаждение от холодной жидкости, которая стекает по горлу. Как моей матери удавалось справляться с таким поведением, я не смогу понять никогда, особенно если учесть, что у нее были и собственные проблемы.

У меня была подруга Ли, и я клянусь, ее способность сочувствовать была безграничной. Она приезжала каждую неделю и приглашала меня на кофе. Когда она звонила по телефону, я протестовала и скулила, что не могу идти. Я отчаянно сопротивлялась, но она приезжала все равно приезжала каждую среду. Я вынуждала себя вылезти из кровати, принимала ванну, одевалась, что было достижением дня, садилась в ее машину. Она кивала мне и трогалась. Мы мчались километрами безлюдных шоссе. Я не говорила ей ни единого слова в течение всего путешествия. Она для чего-то выходила из машины и временами я даже не замечала ее отсутствия, пока она не возвращалась с тошнотворно сладкой жидкостью в пластиковых чашках. Мы пили в тяжелой тишине, и отправлялись в длинный путь домой. Время от времени я посматривала на нее украдкой и удивлялась, какую пользу она, такая юная девушка, могла иметь от наших молчаливых странствий. Я не верю, что кто-то хотел этим заниматься. Но она занималась.

В этот депрессивный период я достала все книги по медицине, которые были дома и, пока мать была на работе, я с патологической настойчивостью выискивала способы самоубийства. Жалкий, мучительный или спокойный — это был выход. Тогда, наконец, должен настать мир. Я даже дошла до того, что одевалась и шла в библиотеку изучать этот вопрос. Женщине за столом я сказала, что делаю газету для школы, лишь бы не вызвать подозрения.

В то время я начала читать также материалы о шизофрении. Казалось, каждая книга свидетельствовала, что эта болезнь — неминуемый путь к смерти («неизлечимая», «хроническая», «безнадежная»). Я узнала, что у меня болезнь, которую остальные люди не понимают или не могут принять по причине ассоциаций с насилием, навязанной средствами массовой информации.

Я регулярно посещала д-ра Грина, но не слишком раскрывалась. Я отождествляла его с врачами из больницы и не хотела снова туда попасть. Я входила в его кабинет, через силу улыбалась и рассчитывала, что он даст мне надежду. Но я недооценила его ум. Он видел меня насквозь. Это было действительно досадно, потому что если бы я больше ему доверяла, он мог хоть как-то облегчить мои страдания.

Мое отвращение к больнице было вызвано не тем, что это ужасное место. Это было не так. Персонал состоял из внимательных и доброжелательных людей, которые знали свое дело. Но больница - печальное место для пребывания. Вы становитесь свидетелем трагических поворотов жизни; люди

здесь искалечены горем, истерзаны страхом, сломаны пережитыми бурями. Если они больше неспособны плакать, вы начинаете плакать за них. Там нет пациентов, которые бегают с ножами, угрожая вашей жизни. Они больше боятся вас, чем вы можете испугаться их. Они сидят в креслах съежившись, болезненно дергаясь от резких слов и случайных жестов, запертые в своем страдании. Я не хотела возвращаться в больницу из-за того, что там для меня было слишком много откровений, слишком много правды. Жизнь временами может быть мерзкой войной и ее раненые там повсюду. Мои мать и братья были очень выдержанными и терпеливыми в это трудное время. Я знаю, что моя депрессия их очень угнетала.

Моя мама работала официанткой много лет, а это тяжелая работа. Огорченная, она каждый день поднималась в четыре часа утра, бегала между столиками целый день, потом приходила домой ко мне.

Каждый день после работы мы играли в «слова». Я уверена, что это было ей необходимо. Когда она не могла играть, ее подменяли мои братья. Мы все расширяли свой словарь, часто используя слова, которые изобрели сами. Скоро вся семья начала ненавидеть эту игру.

Однажды мама пришла домой и сказала, что ресторан нуждается в ком-то на подработку. Они хотели дать мне попробовать.

Я работала с матерью в ресторане официанткой на протяжении нескольких месяцев. Временами я приносила заказ не на тот столик и крайне удивленные клиенты искоса посматривали на меня. Владельцы, супружеская пара, прибегая к риску, исправляли дело, улыбаясь и подмигивая мне. Я была утешена их сочувствием.

Казалось, я забыла все свои проблемы, как только начала работать. Я чувствовала себя нормальной и вскоре уже смеялась и шутила со всеми. Но даже эта работа была чрезмерной нагрузкой и проявления болезни снова начали мучить меня. Я паниковала, когда должна была обслуживать слишком много столиков. Пол вздувался, опускался потолок, перед глазами все плыло. Я, испуганная, в слезах убегала в дальний уголок кухни. Заказы путались в моем мозгу, как в поломанном компьютере, я бормотала что-то беспорядочное. Я решила снова вернуться к работе в офисе, убежденная, что там будет легче.

Но это оказалось не так. Когда возникало напряжение, я не могла его преодолеть. Я могла действовать при отсутствии проблем, но силы покидали

меня. Я обвиняла таблетки, а не болезнь, я еще не до конца познала шизофрению. Был огромный соблазн спустить лекарства в канализацию, но страх перед психозом всегда останавливал меня.

Я была ошеломлена, когда снова попала в больницу. Я ощущала, что всех подвела и болезнь победила. К этому времени у меня появилось несколько настоящих друзей, они нашли и поддержали меня. Я ужасно боялась их потерять. Друзья, которые имели детей, доверяли мне настолько, что позволяли временами присматривать за ними. Они понимали меня, заботились и если бы я снова всех их потеряла, как в прошлом потеряла других, я никогда не смогла бы наверстать этого.

Еще работая в ресторане, я начала участвовать в благотворительной работе, потому что мне нужно было все время себя чем-то занимать. Незанятая, я сосредоточивалась на собственном несчастье. Я работала со слепыми. Моей первой подопечной была госпожа преклонного возраста, которая нуждалась в том, чтобы кто-то ей читал. Мне не хватало опыта. Как-то раз, сопровождая ее в душный солнечный день, я случайно натолкнула ее на дерево.

После того случая я быстро набралась опыта. Моим следующим подопечным был подросток. Благодаря этому мальчику пришло окончательное осознание, что существуют другие болезни, такие же, или даже еще более опустошительные, чем моя. Этот опыт был полезен для нас обоих.

Но из-за кризисного состояния я ужасно боялась, что в какой-то момент все это будет потеряно.

Когда меня госпитализировали, Карен снова помогала мне. Пианист играл свои мелодии, бывали дни, когда я подпевала ему, но без вдохновения. Я очень любила эту пару, но их было недостаточно. Они были свидетелями моей жизни тут. Я знала, что не всегда принадлежала к внешнему миру, особенно во время психоза, но это было единственное место, где я действительно хотела быть.

Мать приходила со сладкими палочками, брат приносил сигареты. Родные любят меня и я их, но мне очень хотелось быть принятой и остальным обществом. Я могла подстроиться под любого.

Через несколько дней меня провела Эмили. Она была беременна, и я очень удивилась, увидев ее, хотя я знала об этом. Большинство людей избегают визитов сюда, особенно в ее положении. Это выводит их из равновесия. Хотя

больные не могут принести вред, многие люди неуверенны в этом и держатся подальше. Но не Эмили. Кроме того, она никогда не разговаривала со мной так, будто я была ненормальной. Она легко принимала болезнь.

Мне было стыдно за свое состояние. Раньше я скрывала заболевание и Эмили могла подумать, что я врала, пряча правду. Но мой страх был напрасным. Эмили оставалась моим другом. Другие друзья проводывали меня в другие дни. Были даже цветы! Но их приход был значительно важнее. И случилась перемена. Я убедилась, что не одинока.

Было много больных, к которым никто не приходил, не звонил, не писал. Это больно. После обеда они садились в кресла и ждали. Каждый раз, когда кто-то из посетителей появлялся в дверях, они поднимали лицо, преисполненное надежды, потом быстро опускали взор, чтобы никто не заметил их разочарования. Когда приходила Эмили, она часто проводила время и с другими больными. Мы садились кружочком вокруг нее, схватывая каждое ее слово. Мы завидовали ее жизни. Она была нормальной. Однажды вечером пришел плохо видящий подросток, с которым я работала. Он осмотрелся вокруг своими слабыми глазами и громко спросил: «Это в самом деле сумасшедшие?»

Скорее всего, ему было безразлично, так ли это.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Я нашла на дне старого ящика письмо и прочитала: «КАКОГО ЧЕРТА ИМ ОТ МЕНЯ НАДО! ОНИ ХОТЯТ КРОВИ! ЕСТЕСТВЕННО... ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ОНИ УЖЕ ЗАБРАЛИ! ВОЗЬМИТЕ ЕЕ! ВОЗЬМИТЕ КРОВЬ! ТОЛЬКО ОНА ВАМ НЕ ПОНРАВИТСЯ!

ПОТОМУ ЧТО ОНА НЕНОРМАЛЬНАЯ!»

Это меня страшно раздосадовало. Я вспомнила бедную медсестру, которая в тот день брала у нас кровь. Хорошо ее помню. Опрятная, с идеально уложенными седыми волосами. Она не была сотрудницей психиатрического отделения, а значит, работала в верхней лаборатории. Она запомнила этот день, наверное, до конца дней. Бедная женщина. Я уверена, что она не заслужила такого представления.

Это случилось давно, и теперь кажется таким далеким. Время имеет свою силу, не правда ли? Нет необходимости лечить рану, время может затянуть ее и сделать не такой заметной. Для некоторых. Мне бы хотелось сказать, что я окончательно выздоровела и никогда не вернусь в больницу. Но, к сожалению, шизофрения – это тяжелое хроническое заболевание.

Первым шагом к выздоровлению является принятие. Оно никогда не бывает легким. Вы должны признаться себе, что бывают моменты, когда вы «не в себе», «душевно больны», «сошли с ума». Большинство людей с шизофренией или любым другим психиатрическим заболеванием, не хотят признаться в этом себе, а значит, и всем остальным.

Термин «шизофрения» пугает. Раньше этот диагноз был ярлыком, который цепляли на многих людей, если они вели себя ненормально или непривычно. К сожалению, его начали отождествлять с буйным или преступным поведением. Часто этот диагноз применяли к группе расстройств, которые нельзя было охарактеризовать точнее. Слово «шиз» означает расщепление. Расщепление указывает на переходы от воображения к реальности, а не на отдельные личности. Паранойя идет рядом с шизофренией, и это, конечно, еще больше усложняет болезнь. И кто захочет такое признать? Лично я долго не признавала.

Большинство из нас выросли с верой, что мы способны контролировать свои мысли, чувства, поведение. Мы верим, что можем развеселить себя, или кто-

то может поднять нам настроение, когда мы огорченны. Но болезнь лишает контроля. Каждый день — борьба.

Карен была одной из тех, кто помог мне принять сумасшествие. Она была мила со мной, проявляла настойчивость там, где другие отступали. Она подарила мне дружбу и выстроила мостик между мной и моим врачом. Благодаря ей, я поверила доктору, и позже он стал моим спасением. К сожалению, я потеряла много лет, скрывая болезнь даже от него, и пропустила лечение, которое могло помочь раньше.

Когда я признала у себя шизофрению, это открытие овладело мной. Я сообщила о нем миру так, будто каждый должен был открыто сочувствовать мне. Неся плакат, я бы не была более красноречивой. Думаю, опека больницы, врачей и друзей сделала меня весьма доверчивой. Я даже сообщила об этом комиссии, которая принимала меня на работу, невыразимое удивление отобразилось на лицах этих очень сдержанных людей. Выслушав путаные объяснения, почему я им не подхожу, я получила новый урок. Людям требуется время, чтобы принять подобную информацию.

Однажды, находясь в больнице из-за депрессии, я и еще одна больная получили от врача разрешение выйти в город. И мы с ней решили сделать прическу. Мы зашли в парикмахерскую, записались и терпеливо ждали своей очереди, пили кофе и рассматривали журналы мод. Мы были спокойны и владели собой. Никто не догадывался. Моя напарница пошла первой. Обслуживая ее, парикмахер заметил больничный браслет, который болтался у нее на запястье (свой я засунула под рукав свитера, и будто в знак протеста он колол мне кожу). На вопрос о браслете моя подруга спокойно сообщила: «Да, мы из психиатрической больницы». Это была самая быстрая стрижка, которую мне когда-либо делали.

Люди не виноваты в своих ошибочных представлениях и страхах. Тенденции ассоциировать насилие с сумасшествием не содействует формированию понимания этой болезни обществом. Я видела фильмы, читала литературу, которые утверждали элемент насилия. И это очень вредно. Естественно, что люди боятся. Но сейчас доступна информация, которая ставит под сомнение связь распространения насилия с шизофренией. Просвещение людей очень поможет в лечении больных.

Недавно я посетила психиатрическое отделение, и от увиденного мне захотелось плакать. Юноша лет шестнадцати сидел на стуле, крепко обхватив себя руками. Одна рука обвила бедра, другая шею. Голова была

опущена на грудь, две длинные неуклюжие ноги цеплялись одна за другую. Он был шизофреник, эмоционально погруженный в себя, и его физическое естество хотело того же... Мы прошли мимо его стула несколько раз и даже не заметили его! Там очень много таких, как он.

В течение нескольких дней в интервалах между рецидивами я еще могла работать. Однако пришло время, когда я была неспособна справляться с работой, с любой работой. В течение года я лишилась восьми рабочих мест и оказалась в ситуации, когда вынуждена была получать пенсию по инвалидности. Хотя лекарства сдерживали психоз, были и другие симптомы (депрессия, перемены настроения, тревожность, паранойя), которые я тоже приняла. Я должна была осознать ограниченность своих возможностей. Думаю, мне хотелось быть «супершизофреником».

Именно в это время возникла «связь» с моим психиатром. Доктора Грина среди других выделяло редчайшее качество — его тактичное отношение к больным. Он никогда не говорил со мной пренебрежительно. Скорее, он обращался как товарищ к товарищу. Благодаря такому чуткому отношению, которое содействовало моему выздоровлению, я многому у него научилась. А он всегда стремился учить. Не менее важно и то, что он дал мне чувство юмора. Смех замечательный целитель.

Д-р Грин исповедовал теорию, согласно которой мы вообще можем избежать рецидивов за счет ослабления вредных влияний и стрессов, тщательного надзора за приемом лекарств и частых консультаций. И в дальнейшем эта теория подтвердилась. Когда я теряла контроль и слишком много себе позволяла, он часто останавливал меня, предупреждая большие проблемы. Раньше я боялась этих визитов, а теперь ждала их. Я больше не чувствовала себя больной. Я была обычным человеком.

Медикаментозная терапия вызывает серьезные дискуссии из-за побочных эффектов. Однако существуют и другие болезни, лечение которых требует приема лекарств с еще большими побочными эффектами, чем те, которые причиняют душевнобольным лечение нейролептиками. Пока идут поиски чего-то лучшего, мы должны пользоваться тем, что есть, ведь это помогает. Однажды, я уверена, появится лучшее средство.

Нельзя переоценить значение друзей. Они очень много значат для тех, кто одинок. Я познакомилась с женщиной, которая болеет уже много лет. Когда я спросила, как она справляется, она ответила, что специальная организация

нашла ей подругу. Эта подруга должна была раз в неделю приглашать ее поболтать. Тогда я поняла, как я на самом деле счастлива.

Прошли годы, и я смирилась с фактом, что, даже окруженная кругом друзей, всегда буду одинокой. Большинству это трудно принять, с болезнью тяжело иметь дело. Она может внести разлад в семью и разбить дружбу. Этот ад не только для больных, но и для тех, кто их любит. Семья получает свою долю кошмаров.

Если бы вы могли заглянуть в мозг сумасшедшего, вы увидели бы там полную мешанину. Люди больные шизофренией временами могут производить впечатление вообще не думающих людей. Равнодушным людям так обычно и кажется. Однако это впечатление ошибочно. Образы и мысли стремительно пролетают в голове, подобно ускоренному кино. Это невероятно затрудняет сосредоточение. Если человек находится в состоянии психоза, то он имеет дело не только со спутанностью, но и с галлюцинациями - слуховыми и зрительными. Здесь хватает хлопот. Нейролептические препараты помогают замедлить эти процессы, принося необходимый покой.

Но есть надежда. Всегда есть надежда. Моя история имеет счастливый конец. Мне повезло получить наилучшее в мире лекарство: любовь. Я встретила человека, самого сильного и решительного из всех, кого я знала. Он принимал неприемлемое, понимал невероятное и любил недостижимое. И он стал моим мужем.

ЭПИЛОГ

Моя верхняя губа прилипла к передним зубам так, будто они были смазаны каким-то клеем. Меня беспокоило, что это ощущение может сохраниться. Я была одета в хлопчатобумажное старое платье, которое путалось с бельем и задиралось. Рубашка облепила бедра. Ноги затекали. Мои волосы... да, мои волосы похожи на сахарную вату, которая разлетелась во все стороны. Хотя они были довольно короткие, они всегда действовали по собственному усмотрению, решив, в конце концов, стать торчком. Поэтому я выглядела странновато. Энергия утекала, оставляя меня слабой, почти без сознания, в плену истерии. Я взмокла.

Я впервые шла выступать перед аудиторией, группой родителей, чьи дети имели диагноз шизофрения. Встреча происходила в конференцзале в одном крыле с психиатрическим отделением местной больницы.

Когда я шла длинным коридором с речью в руке, мне хотелось минуть двери зала, зайти прямо в «Психиатрию» и добровольно принять любую предложенную помощь.

Идя, я мысленно ругала себя за то, что поверила в свою способность осилить это. Написать речь было не очень тяжело. Но одно дело написать и совсем другое — выступить перед аудиторией. В последний раз я выступала в восьмом классе. Тогда я рассказывала о бедном Джо, который должен был вырастить двенадцать детей. За этот замечательный доклад мне дали поездку в Оттаву. Пьер Трюдо был снова при власти и каждый из нашей маленькой делегации восьмиклассников пожал ему руку. Для меня это был незабываемый момент.

Но говорить о воспитании двенадцати детей и рассказывать людям о своем сумасшествии — разные вещи. Хотя моей аудиторией были коллеги по несчастью, в тот момент это не имело значения. Я ужасно боялась. Накануне я всю ночь тренировалась перед зеркалом, но, войдя в зал, обо всем забыла.

Слушатели сидели и стояли, их взгляды были направлены на маленький одинокий стул впереди. Я поняла, что он предназначен для меня. Проходя через аудиторию, я зацепилась ногой за электрический шнур и глухо шлепнулась на тот стул. Тридцать пар глаз пристально смотрели на меня. Кто-то когда-то мне сказал, что, если я представлю себе аудиторию в нижнем белье, будет не так страшно. Но мне это не помогало: я так боялась их лиц, что меня не очень заботило, были ли они одеты хотя бы в белье.

Когда аудитория собралась, безупречно одетый мужчина среднего возраста встал рядом со мной и моим стулом. Я не могу точно вспомнить его лицо, но ботинки запомнила хорошо. Он чудесно меня представил, заметив, что я сама обратилась к его организации, надеясь помочь в просвещении людей относительно шизофрении. После этого он отошел. Я подавила желание схватить его за рукав и усадить рядом с собой.

В тот миг я знала, что должна прочитать доклад, а не оттарактеть его скороговоркой. Я очень медленно начала читать, и чем дальше, тем получалось быстрее. Мой голос вибрировал, и был немного похож на голос Джона Бейза из 60х. Я сознательно принуждала себя говорить медленнее. У меня было пылкое желание прочитать все за две минуты, закрыть блокнот и исчезнуть. Но мое выступление должно было длиться 12 минут, а после этого — обсуждение.

Когда я закончила, прозвучали единичные аплодисменты, за ними — гнетущая тишина. Я ощутила панику. Наконец я услышала тоненький дрожащий голос, первый вопрос: «Как вы справляетесь с галлюцинациями?» Я впервые посмотрела в аудиторию, ища лицо того, кто спрашивал. Это была маленькая женщина, ей было очень страшно открыться, но, тем не менее, она мужественно рассказала нам свою историю. Ее дочь, больная шизофренией, сейчас находилась в больнице, ее мучили психотические кошмары.

Мне не хотелось врать ей, говоря, что все обстоит благополучно, но я хотела успокоить ее, сказать, что состояние ее дочери улучшится. Когда имеешь дело семьей шизофреника, всегда попадаешь в сложную ситуацию. Нельзя давать им обманчивую надежду, однако не нужно лишать и веры. Семьи страдают вместе со своими родными, они очень чувствительны ко всему, что касается болезни.

Я ответила насколько могла полнее и получила другие вопросы. Я заметила, как раскрываюсь перед этими людьми, ощутила определенную родственность с ними, которой раньше никогда не знала. Мой страх развеялся, и я думаю, что именно во время той первой встречи я окончательно осознала свое призвание. Я хотела научить людей противостоять шизофрении.

Я никогда не считала, что знаю о ней все. Психические расстройства в значительной мере не изучены, исследования продолжаются. Ученые сейчас работают над выявлением гена, который, возможно, вызывает сумасшествие, и это будет огромный шаг вперед. Но надо еще так много сделать.

Эрик бьет кулаком в воздух. Гладиаторы и демоны бьются перед его глазами. Иногда он попадает по ним.

Он носит светло-зеленые штаны, которые требуют стирки и ремонта. Они болтаются на старом потрепанном ремне, завязанном на боку в узел. Пряжка потерялась много лет назад. Он носит тяжелое зимнее пальто даже летом, спортивный джемпер, на котором когда-то красовались слова про мир и любовь. Символ мира обтрепался, но все еще цел. Каждый день Эрик стоит на одном и том же перекрестке, громко ругая весь мир. Владельцы магазинчиков знают его и не обращают внимания. Прохожие глядят на него с отвращением и продолжают идти по своим делам. Они думают, что он не видит и не слышит их. Но это не так. Он видит их. Он слышит их. Но он занят более важными делами. Демоны побеждают гладиаторов, а он не может этого допустить. Он посылает несколько ударов для того, чтобы исправить положение. Он храбрый и верит, что может помочь в битве.

Иногда он помнит, что ему нужно поесть, бывают дни, что забывает. Он хороший воин и нередко жертвует едой, чтобы продолжать борьбу. Но это долгая война и он устает.

Эрик идет в кафе, где может получить бесплатный кофе, а иногда и бутерброд. То, что он не платит деньги, он воспринимает как должное. В конце концов, он же служит спасению человечества.

Он спит в разных углах, но больше всего любит холлы магазинов. Отсюда он всегда может наблюдать за демонами, которые готовят заговоры, пока гладиаторы спят.

Такой храбрый боец – и бездомный.

Я не могу закончить свою историю, не оставив тебе, читатель, пищи для размышлений. Сейчас я работаю в организации, которая помогает нуждающимся найти жилье. Я остро ощутила на себе, да и по опыту других знаю, в какое затруднительное положение попадает психически больной. Вы можете представить, каково это – иметь такое расстройство и не иметь приюта?

Тысячи Эриков живут на улице. Растет количество населения, усложняется и проблема бездомности душевнобольных. Мы делаем все, что можем для улучшения этой ужасной ситуации, но пока что прогресс незначительный. Необходимо повышение общественного сознания, если мы хотим найти эффективные решения.

Послесловие

От автора русского перевода

Данная книга попала ко мне в руки когда я проходил обучение в интернатуре по специальности психиатрия в г. Киеве. В то время мне постоянно приходилось контактировать с психически больными людьми, сталкиваться с их проблемами и социальной незащищенностью. Одной из главных причин незавидного положения больных является не само их заболевание, а та социальная стигма, которую оно несет. Общество сегодня склонно воспринимать таких людей как социально опасных, относится к ним с боязнью, неприятием, насмешкой или даже явно выраженной агрессией.

Однако такая ситуация была не всегда. У славянских народов издревле отмечалось гуманное отношение к психически больным. «Многие лишённые разума под именем «юродивых», «блаженных», — писал англичанин Флетчер, направленный английским правительством в 1588 г. в Москву с дипломатическим поручением,— пользуются в Москве даже особым уважением».

Правда, и в России были случаи, когда психически больных обвиняли в «бесовой порче» и казнили за колдовство, но это были лишь единичные случаи, в то время, как в католической Европе такое отношение было нормой жизни. В православной традиции, как правило, больных считали не «одержимыми дьяволом», а «богом наказанными», и поэтому относились к ним в основном с теплым участием.

Такое, более гуманное отношение к психически больным можно объяснить тем, что в России не было столь ожесточенной борьбы между различными религиями, не существовало инквизиции, которая трактовала болезненные высказывания психически больных как признак еретизма или овладения человека дьяволом.

За перевод данной книги на русский язык я взялся для того, чтобы сегодня широкая общественность получила возможность задуматься о данной проблеме и пересмотреть свое отношение к ней. Мне не удалось найти книгу на языке оригинала, и поэтому я перевел ее с украинского. Я уверен, что с помощью интернета удастся познакомить с ней большое количество русскоязычных читателей, что будет полезно не только для больных шизофренией, профессионалов, участвующих в лечении данного заболевания, но и для всех неравнодушных к чужим проблемам, которые хотят лучше понимать этот мир и живущих рядом людей.

Учитывая, что книга в Украине издавалась для некоммерческого использования, и контактов с ее издателями, как и с авторами книги у меня нет, то ее перевод я осуществил по собственной инициативе и по собственной ответственности, надеюсь это не вызовет ущемления авторских прав – в конце концов, широкое распространение книги сделает больше пользы, чем вреда. Прошу читателей, которых оставит неравнодушными все, что они прочитают дальше, порекомендовать эту книгу друзьям, знакомым или при помощи своих блогов донести ее всем людям, кому эта тема может быть интересна – общество, в котором мы будем жить завтра, начинается сегодня, и нам решать как в нем будут относиться не только к тем, кто может постоять за себя, но и к слабым и больным людям.

Если у вас возникнут какие-то вопросы ко мне, вы можете выслать их по электронному адресу olegtern@i.ua или же пообщаться со мной в моем блоге (<http://olegtern.livejournal.com>), где впервые была выложена данная книга на русском языке. Приношу благодарность Варваре Копыловой (<http://bagilamka.livejournal.com>), которая вызвалась отредактировать текст. Учитывая невозможность проверить некоторые моменты по оригиналу, мы не вносили в него существенных стилистических доработок, оставили близким к украиноязычному переводу.

Олег Терн, 2009 г

От издателя украинского перевода книги

Уважаемый читатель

Книга, которую Вы держите в руках, приоткрывает занавес предубеждений, предрассудков и элементарного незнания относительно темы очень сложной, болезненной, трагической — психических заболеваний, душевных расстройств, этого бедствия XX столетия. С самого рождения или же в любом возрасте, полностью неожиданно, человека, а заодно и его близких, может постигнуть это несчастье. Что делать, где черпать силы, в чем находить утешение и надежду? Как смириться с горем, как его ПРИНЯТЬ, как научиться жить в этой новой реальности, жить по возможности полноценно, выйти из «заключения в себе»? Как достичь определенной стабилизации состояния, не ухудшить его, избежать рецидивов? Что необходимо, что можно, что категорически запрещено? Как отыскать, выработать новую жизненную стратегию и соответствующую ей тактику? И еще множество вопросов, которые в каждом случае должны решаться заново и впервые, потому что недаром шизофрению кто-то назвал свалкой для непонятных симптомов: она многолика, непостоянная, коварная и неуловимая — как мираж в пустыне, как фата-моргана.

Героиня кижки, как, очевидно, и ее автор, прошла все круги этого ада и нашла в себе мужество глубоко осознать, постигнуть и «обжить» трагическую ситуацию. Более того, она нашла возможным и необходимым поделиться этим опытом с другими обездоленными людьми, которым выпало жестокое испытание. Человеческая, гуманная ценность этого поступка, этого опыта — огромная; нет сомнения, что многим он станет примером, лучиком «света в конце туннеля», научит, подскажет, поддержит, спасет.

Издание украинского перевода этой мужественной и горькой повести осуществляется силами благотворительного общества «Надежда» — добровольной ассоциации родственников психически больных, которая возникла в Киеве в январе 1993 г. «Надежда», как и аналогичные общества и ассоциации в целом мире, имеет целью преодоления ошибочного и несправедливого отношения общества к этим больным, их социальную адаптацию и реабилитацию, издание и распространение популярной литературы по этим проблемам. Мы хотим с помощью врачей, юристов, средств массовой информации защитить права тех, кто страдает от психических заболеваний. Надеемся создать среди родственников и друзей больных группы поддержки, вносить на рассмотрение правительства и

законодательных органов предложения о расширении производства отечественных психотропных препаратов, о создании современных фармацевтических фирм, об увеличении финансирования содержания больных и исследований в этой области.